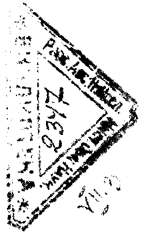


Многоуважаемому
А. И. Елистратову
автор

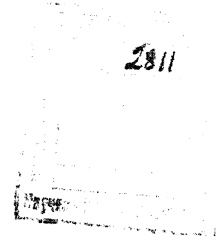
Л. Л. Жижиленко.

ЭК
611

О безответственности народныхъ представителей.



(Оттискъ)



2811

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1909.

1611
70

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
И. д. Директора Лицея *В. Щегловъ*.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 2 (4) «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ»).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧ.
АКАД.
036
32

О безотвѣтственности народныхъ представителей [1]).

Коренное измѣненіе нашего государственнаго строя, происшедшее 17 октября 1905 г., выдвинуло на очередь цѣлый рядъ вопросовъ, которые до сихъ поръ въ условіяхъ русской дѣйствительности имѣли только теоретическій характеръ и не могли представлять непосредственнаго практическаго интереса. Теперь многіе изъ такихъ вопросовъ перестали быть для насъ отвлеченными теоретическими проблеммами и сдѣлались жгучими вопросами текущей жизни; сообразно съ этимъ появился и интересъ къ нимъ не только у спеціалистовъ—юристовъ, но и у широкой публики, настоятельно ждущей отвѣта на нихъ.

Къ числу такихъ вопросовъ, имѣющихъ въ настоящее время для насъ не только теоретическое, но и практическое значеніе, относится вопросъ о безотвѣтственности народныхъ представителей за тѣ сужденія и мнѣнія, которыя они высказываютъ при исполненіи обязанностей своего званія. Данный вопросъ для современныхъ конституціонныхъ государствъ представляется вопросомъ, давно уже рѣшеннымъ въ опредѣленномъ смыслѣ, и только у насъ съ одной стороны благодаря новизнѣ конституціоннаго строя, съ другой благодаря не вполнѣ удачнымъ выраженіямъ закона, онъ вызываетъ извѣстныя сомнѣнія и служитъ предметомъ разногласія между представителями разныхъ теченій нашей политической мысли.

---

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 14 марта с. г.

I.

Привилегія безотвѣтственности народныхъ представителей заключается въ освобожденіи ихъ отъ судебнаго или внѣсудебнаго (административнаго или дисциплинарнаго) преслѣдованія за сужденія и мнѣнія, высказанныя ими при исполненіи обязанностей ихъ званія.

Въ силу этой привилегіи установляется невозможность привлеченія депутата къ уголовной или дисциплинарной отвѣтственности и назначенія ему наказанія, въ томъ или другомъ порядкѣ, за произнесенную имъ рѣчь опредѣленнаго преступнаго содержанія и за высказанное имъ мнѣніе, хотя бы въ видѣ подачи голоса въ извѣстномъ направленіи. Въ то время, какъ лицо, не облеченное званіемъ депутата, за это дѣяніе отвѣчало бы на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ или подвергалось бы мѣрамъ административнаго воздѣйствія, гдѣ послѣднее существуетъ, или же, если оно состоитъ на государственной службѣ, подлежало бы дисциплинарному преслѣдованію за обнаруженіе при голосованіи своихъ взглядовъ, несогласныхъ съ видами правительства, депутатъ, совершающій тѣ же дѣянія при исполненіи своихъ обязанностей, не подлежитъ отвѣтственности, установленной для всѣхъ прочихъ гражданъ.

Эта привилегія безотвѣтственности народныхъ представителей, проявляющая свое значеніе главнымъ образомъ въ области уголовнаго матеріальнаго права, не должна быть смѣшиваема съ другой привилегіей депутатовъ, имѣющей значеніе исключительно въ области процессуальнаго права,—ихъ неприкосновенностью, т. е. привилегіей, въ силу которой лишеніе свободы члена палаты и возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ него въ теченіе сессіи возможны не иначе, какъ съ согласія самой палаты.

Обѣ эти привилегіи имѣютъ различное содержаніе и возникли независимо другъ отъ друга, но онѣ взаимно дополняютъ другъ друга и покоятся на одной и той же мысли о необходимости оградить депутата отъ внѣшнихъ давленій и дать ему возможность—психическую и физическую—выполнять обязанности его званія

исключительно на основаніи его свободнаго внутренняго убѣжденія.

Привилегія безотвѣтственности депутатовъ возникла постепенно по мѣрѣ того, какъ складывалось народное представительство въ томъ его видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ современныхъ конституціяхъ. Ея не существовало и она не могла существовать, пока не было настоящаго народнаго представительства, какъ необходимаго элемента правоваго государства. Правда, и нѣмецкіе ландтаги XVIII стол. сознавали, что ихъ дѣятельность можетъ имѣть значеніе лишь тогда, когда ихъ члены будутъ пользоваться свободой слова, но въ своихъ заявленіяхъ правительству они не требовали установленія безотвѣтственности, чего, конечно, въ виду самой роли своей они достигнуть не могли, а лишь указывали на желательность установленія такого порядка, при которомъ ихъ члены преслѣдовались бы за нарушеніе своихъ обязанностей только по суду съ устраненіемъ всякаго административнаго воздѣйствія въ этомъ отношеніи. И отдѣльные правители шли на встрѣчу этимъ заявленіямъ. Такъ, въ 1770 г. такой порядокъ былъ установленъ въ Вюртембергѣ [1]). Только тогда, когда окончательно складывается народное представительство и образуется правовое государство, когда административное, внѣсудебное воздѣйствіе за преступленія принципіально не допускается, установляется привилегія безотвѣтственности въ смыслѣ невозможности привлеченія депутата къ отвѣтственности не только въ административномъ порядкѣ, но и по суду.

Самая исторія развитія этой привилегіи въ отдѣльныхъ государствахъ есть одна изъ картинъ общей исторіи борьбы народнаго представительства съ правительствомъ за предѣлы своихъ полномочій. Только мало по малу путемъ борьбы образовалась эта привилегія. Первоначально она допускалась нерѣдко съ извѣстными ограниченіями, которыя категорически указывались въ самомъ законѣ; потомъ эти ограниченія падаютъ, но

---

[1]) Herrmann, Ueber die strafrechtliche Verantwortlichkeit der Mitglieder der Ständeversammlung (Archiv des Kriminalrechts N. F. 1853 s. 345 n. 4).

правительство, ревниво оберегая свои интересы, стремится истолковать не всегда ясныя и опредѣленныя указанія закона въ смыслѣ установленія изъятія изъ общаго принципа безотвѣтственности, какъ это въ особенности проявилось въ процессахъ противъ депутатовъ прусскаго парламента, имѣвшихъ мѣсто въ 1853, 1856, 1865 и 1866 г.г. [1]).

Однако въ наше время эта привилегія безотвѣтственности настолько вошла въ плоть и кровь конституціонныхъ государствъ, что въ практикѣ и въ теоріи говорятъ не о принципіальномъ оспариваніи ея, а объ установленіи извѣстныхъ средствъ предотвращенія возможности злоупотребленія ею.

Привилегія безотвѣтственности народныхъ представителей зародилась, развилась и окрѣпла прежде всего, естественно, въ той странѣ, гдѣ впервые зародилось и самое народное представительство—въ Англіи, причемъ благодаря особенностямъ самого характера англійскаго парламента, она получила здѣсь нѣсколько иное выраженіе, чѣмъ на континентѣ Европы.

Въ англійскомъ парламентѣ привилегія эта существовала еще въ XIV в., но, какъ видно изъ ряда происходившихъ процессовъ, она не всегда признавалась короной, которая вела съ ней борьбу, предавая уголовному суду членовъ парламента за содержаніе произнесенныхъ ими рѣчей. Но парламентъ энергично боролся за свои права и при всякомъ удобномъ случаѣ стремился возстановить нарушенную короной привилегію. Такъ, въ 1512 г. при Генрихѣ VIII по одному частному случаю осужденія депутата Strode общимъ образомъ было высказано, что всѣ обвиненія, осужденія и наказанія этого депутата, равно какъ и другихъ депутатовъ настоящаго или будущаго парламента за внесеніе билля или за выраженіе мнѣнія въ парламентѣ признаются ничтожными и не имѣющими силы [2]). Однако это постановленіе парламента не мѣшало Карлу I въ 1629 г. преслѣдовать уголовнымъ судомъ членовъ пар-

---

[1]) Hubrich, Die parlamentarische Redefreiheit und Disciplin, 1899, p. 213, fg.
[2]) Hubrich, l. c. p. 18.

ламента за рѣчи, произносимыя ими при исполненіи ихъ обязанностей [1]). Только съ изгнаніемъ Стюартовъ и съ воцареніемъ Вильгельма III установляется окончательно безотвѣтственность депутатовъ, какъ твердый принципъ, впредь болѣе не нарушаемый. Это сдѣлано было въ 1689 г. въ биллѣ о правахъ, ст. 9 котораго гласитъ: «свобода рѣчи, дебатовъ и всего происходящаго въ парламентѣ не можетъ быть стѣсняема и подвергаема обсужденію какого нибудь другого суда и мѣста, кромѣ парламента».

Этой статьей и донынѣ опредѣляется сущность и объемъ привилегіи англійскаго парламента. По англійскому праву, это не есть личная привилегія безнаказанности депутатовъ, какъ обычно понимается сущность этой привилегіи почти вездѣ на континентѣ. Это—предметная привилегія самого парламента—привилегія особой подсудности, покоящаяся на старомъ правилѣ о непубличности засѣданій парламента: все, что происходитъ въ парламентѣ, остается въ его стѣнахъ. Ни одинъ судъ, по англійскому праву, не можетъ разсматривать всего того, что совершается въ парламентѣ; и это понимается настолько широко, что не только рѣчи депутатовъ, произнесенныя въ парламентѣ, но и рѣчи постороннихъ лицъ, которыя по тому или другому поводу, напр. въ качествѣ свидѣтелей, даютъ свои показанія передъ парламентомъ, не могутъ быть предметомъ разслѣдованія какого нибудь судебнаго мѣста; при томъ эта привилегія касается всего того, что происходитъ въ стѣнахъ парламента, хотя бы не въ засѣданіи его; она распространяется даже на частные разговоры членовъ парламента внѣ засѣданій послѣдняго, такъ что напр. дѣла о нанесеніи однимъ депутатомъ другому оскорбленія въ стѣнахъ парламента, хотя и не въ засѣданіяхъ его, могутъ подлежать сужденію только парламента.

Своеобразному содержанію привилегіи парламента въ Англіи соотвѣтствуетъ сильно развитая парламентская

---

[1]) Muralt, Die parlamentarische Immunität in Deutschland und der Schweiz. 1902, p. 14.

дисциплинарная власть въ отношеніи къ отдѣльнымъ депутатамъ. Здѣсь кромѣ призыва къ порядку за простые случаи нарушенія дисциплины примѣняются въ болѣе важныхъ случаяхъ выговоры и аресты и наконецъ, какъ крайняя мѣра-исключеніе изъ парламента, которое первоначально соединялось даже съ утратой пассивнаго избирательнаго права, а въ настоящее время понимается, какъ исключеніе отъ участія въ дѣятельности парламента на все время функціонированія послѣдняго [1]).

Вслѣдъ за Англіей идея безотвѣтственности народныхъ представителей находитъ себѣ выраженіе во Франціи въ законодательствѣ революціонной эпохи подъ вліяніемъ ученія Монтескье о раздѣленіи властей и Руссо о народномъ суверенитетѣ [2]). Самая идея безотвѣтственности возникла здѣсь въ дореволюціонную эпоху, что видно изъ того факта, что въ 52 наказахъ депутатомъ въ Etat-généraux содержится указаніе на необходимость установленія безотвѣтственности.

Принципъ безотвѣтственности депутатовъ во Франціи впервые нашелъ себѣ торжественное выраженіе въ резолюціи національнаго собранія 23 іюня 1789 г.; поводомъ къ провозглашеніемъ этой резолюціи, какъ извѣстно, послужило слѣдующее событіе: король потребовалъ, чтобы національное собраніе разошлось и чтобы на другой день депутаты собрались, какъ и прежде, по сословіямъ, но Мирабо рѣшительно возразилъ противъ этого, сказавъ свою знаменитую фразу: «nous ne quitterons nos places que par la puissance des bayonnettes», и собраніе въ обезпеченіе неприкосновенности своихъ членовъ вынесло постановленіе, въ которомъ объявляло безчестными (infames), измѣнниками противъ націи и виновными въ уголовномъ преступленіи (crime capital) тѣхъ, кто осмѣлится во время настоящей сессіи или послѣ нея преслѣдовать, привлекать къ отвѣтственности и лишать свободы депутата за сдѣланныя имъ предложенія и указанія, высказанныя мнѣнія и рѣчи въ засѣданіяхъ собранія.

---

[1]) Schleiden, Die Disciplinar—und Strafgewalt parlamentarischen Versammlungen über ihre Mitglieder, 1879, p. 17; Hubrich, l. c. p. 25.

[2]) Нужно замѣтить, что ни у Монтескье, ни у Руссо о привилегіи безотвѣтственности депутатовъ ничего не говорится, но зато у Сіэса мы находимъ ясно выраженнымъ этотъ принципъ, ср. Hubrich, l. c. p. 76.

Интереснымъ въ этой формулѣ является ея боевой характеръ; въ ней рѣчь шла не столько объ установленіи существа и предѣловъ безотвѣтственности, сколько объ огражденіи ея энергичными мѣрами. Только впослѣдствіи законъ 13 іюня 1791 г. объ организаціи законодательнаго корпуса (art. 52) установилъ ближе содержаніе самой привилегіи, указавъ на то, что депутаты отвѣчаютъ за свои мнѣнія и поступки при исполненіи своихъ обязанностей только передъ законодательнымъ корпусомъ. Этотъ принципъ былъ окончательно выраженъ конст. 14 сент. 1791 г. (тит. III, гл. I, секц V, ст. 7) въ слѣдующихъ словахъ: «представители народные неприкосновенны; они не могутъ быть подвергаемы ни въ какое время слѣдствію, обвиненію или суду, за что нибудь сказанное, написанное или сдѣланное ими при отправленіи ихъ функцій, какъ представителей»; нужно замѣтить, однако, что въ революціонную эпоху во время разгорѣвшейся борьбы партій этотъ принципъ не пользовался незыблемостью, что слѣдуетъ хотя бы изъ закона 4 дек. 1792 г., грозившаго смертной казнью за всякое предложеніе установить королевскую власть во Франціи. Тѣмъ не менѣе онъ провозглашался въ полномъ объемѣ въ послѣдующихъ конституціяхъ 1793 г. (art. 43), 1795 г. (art. 110) и 1799 г. За то конституціонная хартія 4 іюня 1814 г. не упоминаетъ о немъ вовсе, и только законъ о прессѣ 17 мая 1819 г. устанавливаетъ этотъ принципъ въ art. 21. Снова вносится указаніе на привилегію безотвѣтственности въ конституцію 1848 г. (art. 36), въ императорскій декретъ 2 февр. 1852 г., (art. 9), и наконецъ въ нынѣ дѣйствующій конституціонный законъ о взаимномъ отношеніи публичныхъ властей 16 іюня 1875 г., art. 13 котораго по образцу art. 44 бельг. конституціи 1831 г. говоритъ, что: «никто изъ членовъ, какъ той, такъ и другой палаты не можетъ быть подвергнутъ слѣдствію и суду по поводу поданнаго имъ вотума и высказаннаго мнѣнія при исполненіи обязанности» [1]). Самый

[1]) Это положеніе кромѣ того содержится и въ art. 41 закона о печати 1881 г.

принципъ безотвѣтственности французская доктрина и практика до сихъ поръ основываютъ на принципѣ народнаго суверенитета и теоріи раздѣленія властей [1]) и данной привилегіи придаютъ почти такой же объемъ, какъ въ Англіи, такъ что безотвѣтственность народныхъ представителей разсматривается не только какъ личная привилегія, но тоже какъ привилегія парламента [2]): и теорія [3]), и судебная практика [4]) установляютъ то положеніе, что судебныя мѣста не могутъ разсматривать актовъ парламента.

Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой привилегіи во французскомъ законодательствѣ, надо указать на то, что особенностью французскаго права является сильно развитая дисциплинарная власть парламента въ отношеніи его членовъ, причемъ регламенты обѣихъ палатъ содержатъ въ себѣ какъ бы настоящіе кодексы преступленій, совершаемыхъ депутатами при исполненіи ихъ обязанностей, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ взысканій за каждое преступленіе.

Въ видѣ примѣровъ можно привести назначеніе по наказу палаты депутатовъ выговора за оскорбленіе и угрозы, направленныя противъ другихъ депутатовъ (art. 123), и назначеніе выговора съ временнымъ устраненіемъ изъ засѣданій (до 15 засѣд.) за призывъ къ насилію, къ гражданской междуусобицѣ и къ нарушенію конституціонныхъ законовъ, за оскорбленіе всей палаты или ея части или предсѣдателя ея, за угрозы и оскорбленіе членовъ правительства, за оскорбленіе президента республики, сената и правительства (art. 124). Такимъ

---

[1]) Garraud. Traité théorique et pratique du droit pénal français, t. I, 1898, p. 287: «elle (l'immunité parlementaire) donne du reste une indépendance complète au pouvoir législatif dans ses rapports avec l'autorité judiciaire et l'autorité administratif, ces deux branches du pouvoir executif».

[2]) Esmein, Eléments de droit constitutionnel français et comparé 1903, p. 758; Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlamentaire, 1902, p. 1259 говоритъ о «inviolabilité du lieu des séances».

[3]) Le Poittevin, Traité de la presse, 1902, t. I, p. 415 находитъ даже, основываясь на буквальномъ текстѣ ст. 41 закона о печати 1881 г., что привилегія безотвѣтственности распространяется и на рѣчи частныхъ лицъ, напр. свидѣтелей, произносимыя въ парламентѣ, напр. въ анкетной комиссіи.

[4]) Рѣшеніе кассаціоннаго суда 13 іюня 1879 г.: «soit la Chambre des Députes, soit le pouvoir executif font partie des pouvoirs constitués dans l'ensemble desquels l'exercice de la souveraineté réside et dont les actes, á ce titre, ne peuvent tomber dans le domain d'appréciation des tribunaux».

образомъ здѣсь сильно развитая дисциплинарная власть вполнѣ устраняетъ необходимость всякаго вмѣшательства уголовнаго суда въ случаѣ совершенія депутатомъ преступнаго дѣянія посредствомъ слова.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ возникла и развилась привилегія безотвѣтственности въ другихъ государствахъ, слѣдуетъ нѣсколько остановиться на ея судьбѣ въ Германіи [1]). Въ этомъ отношеніи нужно прежде всего отмѣтить, что первоначально подъ вліяніемъ примѣра французской хартіи 1814 г. привилегія эта не вызываетъ къ себѣ особой симпатіи законодателя, и наряду съ конституціями, которыя установляютъ ее въ полномъ объемѣ (напр. баварск. констит. 1818 г., саксенъ-мейнингенская 1829, прусск. 1850), мы видимъ другія, въ которыхъ государства, только что введшія конституціонный образъ правленія, или вовсе о ней умалчиваютъ, или же допускаютъ ее съ весьма существенными ограниченіями. Такъ напр. ничего не упоминаютъ о привилегіи безотвѣтственности конституціи—баденская 1818 г. и Рейсса младшей линіи 1849 г; особенно же характерно въ этомъ отношеніи постановленіе брауншвейгской конституціи 1832 г.: депутатамъ предоставляется свобода мнѣній, но при этомъ указывается, что лишь за такое нарушеніе регламента, которое не выражается ни въ особенныхъ преступленіяхъ, ни въ личномъ оскорбленіи, они могутъ привлекаться къ отвѣтственности самой палатой (§ 134). Другія конституціи ограничиваютъ безотвѣтственность установленіемъ общаго порядка преслѣдованія за опредѣленныя преступленія, именно за преступленія государственныя, поскольку они совершаются посредствомъ слова, и за оскорбленіе чести, или же только за послѣднія; къ первой группѣ относятся: вальдекск. конституція 1816 г., саксенъ-веймарская 1816, § 168; вюртембергская 1819, § 186; саксенъ-альтенбург. 1831, § 85 (только въ случаѣ повторенія преступленія послѣ сдѣланнаго предупрежденія президента)—всѣ онѣ имѣютъ въ виду оскорбленіе величества, правительства и палаты,—и ганноверская

[1]) Ср. Herrmann, l. c. p. 349 ff.

1833, § 110, говорящая вообще о выраженіяхъ бунтовщическаго характера; ко второй—гессенъ-дармштадск. 1820, § 83; кургессенская 1831, § 87; гогенцоллернъ-зигмарингенская 1833, § 183. Наконецъ, нѣкоторыя конституціи (ольденбургск. 1849 и кобургъ-готская 1852) ставятъ рѣшеніе вопроса о безотвѣтственности въ конкретномъ случаѣ въ зависимость отъ усмотрѣнія палаты.

Постепенно однако всѣ эти ограниченія отпадаютъ, въ особенности послѣ революціи 1848 г. и наконецъ окончательно исчезаютъ съ образованіемъ Германской имперіи; въ ея конституціи § 30 категорически устанавливаетъ, что «ни одинъ членъ рейхстага не можетъ быть когда либо преслѣдуемъ въ судебномъ или дисциплинарномъ порядкѣ или иначе привлекаемъ къ отвѣтственности за свое голосованіе или за выраженіе мнѣній, сдѣланное при исполненіи обязанностей», и это воспроизводится и подтверждается § 11 германск. угол. ул. въ отношеніи членовъ всякаго законодательнаго собранія отдѣльныхъ государствъ.

Существующія въ настоящее время законодательства по вопросу объ отношеніи ихъ къ привилегіи безотвѣтственности могутъ быть разбиты на слѣдующія группы: 1) законодательства, признающія полную безотвѣтственность депутатовъ за высказанныя ими при исполненіи обязанностей мнѣнія и поданные votum, это—большинство современныхъ законодательствъ—всѣ они почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ повторяютъ данный принципъ, главнымъ образомъ по образцу бельгійской конституціи. Сюда относятся конституціи англ., французск., германск. (§ 30), греческ. (§ 61), испанск. (§ 46), итал. (§ 51), норвеж. (§ 66), португ. (§ 25), румынск. (§ 51), болгарск. (§ 44), серб. (§ 123), бав. (§ 27), баден. (§ 48), прус. (§ 24), сакс. (§ 84), гамб. (§ 42), австр. (§ 16), голланд. (§ 97), берн. (§ 30), браз. (§ 19), мекс. (§ 59), аргент. (§ 60), соед. шт. (разд. VI), японск. (§ 52) и турецк. (§ 47); 2) законодательства, признающія безотвѣтственность частичную, дѣлая изъятія для нѣкоторыхъ преступленій; въ современныхъ конституціяхъ не встрѣчается больше ограниченій, какъ это было въ отдѣльныхъ германскихъ

государствахъ, для преступленій государственныхъ, теперь изъятія этого рода устанавливаются только для оскорбленія чести; такъ это имѣетъ мѣсто въ конституціи черногорской (§ 97), а также нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ—Невшателя (1838, § 40), Женевы 1847, § 123) и Ури (1889, art. 29); 3) законодательства, признающія принципіально безотвѣтственность, но допускающія изъятія изъ нея въ отдѣльныхъ случаяхъ, согласно постановленію самой палаты; подобный порядокъ установляется въ немногихъ конституціяхъ; такъ онъ существуетъ въ болгарской конституціи, гдѣ говорится, что за совершенные въ засѣданіи собранія членами его преступленія и проступки, предусмотрѣнные уголовнымъ закономъ, виновные въ томъ могутъ быть привлекаемы къ суду не иначе, какъ по опредѣленію собранія (§ 25), тоже установляется въ конституціи цюрихскаго кантона (§ 32), датской (§ 57) и шведской, гдѣ требуется для преданія суду депутата категорическое согласіе парламента путемъ резолюціи, принятой по крайней мѣрѣ $^5/_7$ общаго числа вотирующихъ (§ 110) и, наконецъ, въ сеймовомъ уставѣ В. К. Финляндскаго. Въ послѣднемъ общимъ образомъ установлено, что сеймовый депутатъ обязанъ при осуществленіи своихъ полномочій руководствоваться велѣніями права и правды (§ 9), а равно «соблюдать серьезное и достойное поведеніе и не позволять себѣ оскорбительныхъ, насмѣшливыхъ или иначе непристойныхъ выраженій о правительствѣ или частныхъ лицахъ» (§ 48) и затѣмъ указано, что «сеймовый депутатъ не можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности или лишенъ свободы за выраженныя имъ мнѣнія или вообще за его поведеніе во время преній, если сеймъ не изъявилъ на то согласія постановленіемъ, принятымъ большинствомъ $^5/_6$ присутствующихъ членовъ» (§ 11).

Въ заключеніе нужно прибавить, что лишь немногія законодательства не считаютъ нужнымъ устанавливать принципъ безотвѣтственности депутатовъ—этотъ порядокъ имѣется въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ: Базельляндѣ, Нидвальденѣ, Гларусѣ, Цугѣ, Граубинденѣ и обоихъ Аппенцеляхъ. По словамъ швейцар-

скаго изслѣдователя даннаго вопроса Муральта [1]) въ Швейцаріи вообще нѣтъ той борьбы населенія съ властью, которая существуетъ въ другихъ государствахъ, и здѣсь такимъ образомъ нѣтъ потребности въ установленіи принципа безотвѣтственности депутатовъ.

Таковы различные типы отношенія законодательствъ къ началу безотвѣтственности народныхъ представителей. Нужно замѣтить, что русское законодательство prima facie не можетъ быть подведено ни подъ одну изъ указанныхъ выше категорій, такъ какъ формулы, подобной той, которая заключается въ ст. 14 Учрежд. Гос. Д.: «Члены Г. Д. пользуются *полной свободой сужденій и мнѣній* по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Д.», не встрѣчается ни въ одной конституціи. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію русскаго законодательства и раскрыть истинный смыслъ ст. 14 Учр. Г. Д., необходимо освѣтить нѣсколько вопросъ объ основаніяхъ привилегіи безотвѣтственности и о ея правовомъ значеніи.

II.

Первый вопросъ—вопросъ о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ покоится привилегія безотвѣтственности—вопросъ, который въ настоящее время не привлекаетъ особеннаго интереса теоріи, какъ давно уже рѣшенный. Онъ вызывалъ къ себѣ вниманіе въ литературѣ французской дореволюціонной эпохи, когда складывалось общее ученіе о существѣ народнаго представительства, а также въ началѣ XIX в. въ Германіи въ виду того, что нѣкоторыя конституціи умалчивали о привилегіи безотвѣтственности. Здѣсь ставился практическій вопросъ о томъ, предполагается ли привилегія безотвѣтственности сама собой, даже въ случаѣ неупоминанія о ней въ конституціяхъ, или же нѣтъ.

Наиболѣе старымъ теченіемъ по данному вопросу является то, которое усвоено было первоначально французской литературой и практикой, а также и полити-

---

[1]) Muralt, l. c. p. 39.

ческой жизнью, и которое въ германской литературѣ нашло себѣ выраженіе въ работѣ гейдельбергскаго профессора К. С. Цахаріэ, перваго нѣмецкаго изслѣдователя въ этой области. Цахаріэ [1]) въ своихъ обоснованіяхъ привилегіи безотвѣтственности исходитъ изъ идеи народнаго суверенитета. По его словамъ, народные представители—представители суверяннаго народа и поскольку они избраны для осуществленія законодательной части суверенитета, они безотвѣтственны. Они избраны съ цѣлью творить законъ, поэтому они выше закона. «Преступленіе можетъ быть учинено, говоритъ Цахаріэ, только подъ тѣмъ предположеніемъ, что законъ не только угрожаетъ наказаніемъ за извѣстное дѣяніе, но что онъ и обязываетъ виновнаго... Народные представители, какъ таковые, не стоятъ подъ закономъ, который ограничиваетъ свободу мнѣній». Отсюда Цахаріэ дѣлаетъ практическій выводъ, что если въ конституціи не оговаривается привилегія безотвѣтственности депутатовъ, то молчаніе ея слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что здѣсь признается принципъ безотвѣтственности, какъ вытекающій изъ начала народнаго суверенитета. Взглядъ Цахаріэ не нашелъ себѣ сторонниковъ въ нѣмецкой литературѣ. Его критики указали на основные дефекты его теоріи, въ особенности его ученія о сосуверенитетѣ народа и монарха въ монархическомъ государствѣ, чѣмъ думалъ Цахаріэ обосновать существованіе данной привилегіи и въ конституціонной монархіи. Совершенно вѣрно указывали они на то, что если данную привилегію понимать такъ, какъ ее понимаетъ Цахаріэ, то тогда парламентъ нужно было бы представлять себѣ, какъ собраніе безотвѣтственныхъ королей. Вообще же, если стоять на точкѣ зрѣнія Цахаріэ и видѣть въ народномъ суверенитетѣ обоснованіе привилегіи, то, поскольку можно вообще говорить о томъ, что народный суверенитетъ принадлежитъ парламенту, какъ таковому, а не его членамъ,

[1]) Zachariä K. S. Sind in den deutscheu konstitutionellen Monarchien die Gerichte befugt über Klagen zu entscheiden, welche vor ihnen wegen gesetzwidriger Aeusserungen eines Mitgliedes der I od. II Kammer erhoben werben? въ Archiv für civilistische Praxis, 1834, B. 7, p. 173—213.

возможно было бы обосновать привилегію подобнаго рода для всего парламента въ цѣломъ, а никакъ не для его отдѣльныхъ членовъ. Далѣе, установляя то положеніе, что члены парламента выше закона, Цахаріэ выражалъ мысль о томъ, что дѣятельность ихъ есть всегда дѣятельность правомѣрная, такъ какъ они не могутъ совершить правонарушенія, стоя выше закона и будучи поэтому лично неспособны къ совершенію преступнаго дѣянія, но, идя послѣдовательно, Цахаріэ долженъ былъ бы отрицать и всякую дисциплинарную отвѣтственность членовъ парламента, такъ какъ за дѣятельность правомѣрную никто отвѣчать не можетъ. Наконецъ, если проводить послѣдовательно взглядъ Цахаріэ, то пришлось бы признать безотвѣтственность народныхъ представителей въ отношеніи всѣхъ ихъ преступленій, а не только такихъ, которыя совершаются посредствомъ слова.

Ясно, что для объясненія основаній существованія привилегіи безотвѣтственности пришлось обратиться къ инымъ даннымъ, къ разсмотрѣнію того, что представляетъ изъ себя самая дѣятельность депутатовъ, выражающаяся въ исполненіи обязанностей ихъ званія. И вотъ нѣмецкая литература, исходя изъ этого начала, показываетъ два пути рѣшенія—одинъ, при которомъ ограничивается объемъ привилегіи, и другой, нынѣ господствующій, не допускающій этого ограниченія. Разница же между обоими направленіями состоитъ въ томъ, что одно не находитъ необходимымъ создавать для депутатовъ особой привилегіи, довольствуясь общимъ указаніемъ на правомѣрность дѣяній, учиняемыхъ во исполненіе обязанностей службы, другое—считаетъ это недостаточнымъ и устанавливаетъ спеціальную привилегію. Однимъ изъ первыхъ принципіальныхъ противниковъ привилегіи безотвѣтственности является Герау [1]). По его мнѣнію, преслѣдованіе депутата за противное законамъ выраженіе мнѣнія an sich вполнѣ

[1]) Gerau. Können in den deuts. Konst. Monarchien die Mitglieder ständischer Kammern wegen gesetzwidriger Aeusserungen vor den Gerichten des Landes zur Verantwortung gezogen werden? въ Zeitschrift für Civilrecht und Prozess N. F. B. I, 184 s. p. 1—46.

Библиотека Коммунистической Академии

допустимо, и лишь поскольку депутатъ остается въ предѣлахъ своего званія, онъ не отвѣчаетъ по суду. «Народный представитель, говоритъ онъ, не можетъ быть преслѣдуемъ за то только, что онъ при выполненіи своего, согласнаго съ конституціей, правомочія возводитъ на кого нибудь обвиненіе или порицаетъ непорядки. За нимъ, какъ и за другими государственными органами, которые управомочены къ порицательнымъ замѣчаніямъ (rügende Bemerkungen), каковы судьи и прокуроры, стоитъ презумпція согласнаго съ долгомъ поведенія, до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены достаточныя доказательства противнаго и пока изъ содержанія и формы обличеній депутатовъ не вытекаетъ противная долгу злостная тенденція. Поэтому жалобы противъ народнаго представителя возможны только тогда, когда будутъ указаны невѣрность его обвиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ злой умыселъ». Такимъ путемъ, конечно, значительно ограничивается свобода выраженія мнѣній членами парламента въ засѣданіи его, и Герау, вполнѣ это сознавая, даетъ слѣдующій мудрый совѣтъ депутатамъ: «кто не обладаетъ достаточной интеллигентностью и спокойствіемъ для того, чтобы выражать въ законныхъ рамкахъ свое мнѣніе съ требуемой откровенностью и самостоятельностью по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ дѣйствія палаты, а также для того, чтобы высказывать свое порицаніе въ предѣлахъ приличія и дозволеннаго, тотъ пусть молчитъ и ограничивается подачей голоса. Тотъ же, кто злостно желаетъ обидѣть другого, тотъ не заслуживаетъ пощады».

Тѣ же мысли высказывалъ другой писатель Германнъ [1]); онъ выдвигалъ при этомъ то основное положеніе, что всякая дѣятельность депутата, не принадлежащая къ его формально-парламентскимъ (formell ständische) функціямъ, стоитъ подъ господствомъ общаго права, такъ какъ «въ конституціонномъ званіи (verfassungsmässiger Beruf) депутата нѣтъ такого момента, который бы расширялъ его выраженіе мнѣнія за предѣлы

[1]) Herrmann, l. c. p. 384.

необходимаго уваженія благъ, защищаемыхъ уголовнымъ закономъ отъ нападеній посредствомъ рѣчи или сочиненія» [1]). Къ самой привилегіи онъ относился безусловно отрицательно и говорилъ, что «вообще изъ всѣхъ видовъ привилегій нѣтъ болѣе сомнительной и опасной, чѣмъ привилегія освобожденія отъ уголовно-правовыхъ послѣдствій преступленія», причемъ кромѣ общихъ соображеній о томъ, что этимъ уменьшается область нравственности (Sittlichkeitsgebiet) государства и не устраняется потребность и необходимость утвержденія и огражденія нарушеннаго права, онъ указывалъ на то, что подобная привилегія способна вызвать въ тѣхъ лицахъ, которымъ она присвоивается, превратное представленіе о своемъ положеніи, «соблазнительное воображеніе о суверенитетѣ» [2]). Относительно же ея корректива въ видѣ дисциплинарной отвѣтственности передъ палатой онъ замѣчалъ, что «хотя посредствомъ данной мѣры и могутъ быть затронуты преступныя дѣянія, но не какъ таковыя, а въ совершенно другомъ ихъ отношеніи, именно поскольку въ нихъ лежитъ посягательство на порядокъ хода дѣлъ въ парламентѣ» [3]).

Подобный же взглядъ о необходимости ограниченія привилегіи безотвѣтственности защищаютъ Гейнце [4]), который высказывается общимъ образомъ противъ расширенія ея за предѣлы нормальной правовой охраны, затѣмъ до нѣкоторой степени Биндингъ, поскольку онъ находитъ необходимымъ ограниченіе примѣненіе привилегіи въ отношеніи оскорбленія чести [5]), и наконецъ Циммерманъ [6]), который высказываетъ сомнѣніе относительно допустимости привилегіи безотвѣтственности въ томъ объемѣ, въ какомъ она въ настоящее время существуетъ, имѣя въ виду точно также защиту чести третьихъ лицъ.

---

[1]) l. c. p. 379.
[2]) l. c. p. 390.
[3]) l. c. p. 391.
[4]) Heinze. Die Straflosigkeit parlamentarischer Rechtsverletzungen und die Aufgabe der Reichsgesetzge ung, 1879, p. 21.
[5]) Binding, Handbuch des Strafrechts, 1885, 679.
[6]) Zimmermann, Die parlamentarische Redefreiheit und der Schutz dritter gegen den Missbrauch derselben (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1907, B. 36, p. 406).

Разсматривая рѣшеніе даннаго вопроса въ томъ смыслѣ, какъ это предлагается вышеназванными писателями, мы должны сказать, что если ограничивать привилегію народныхъ представителей тѣми предѣлами, которые здѣсь указываются, то этимъ въ дѣйствительности не создается никакой спеціальной для нихъ привилегіи по сравненію съ тѣмъ, что и въ настоящее время признается въ отношеніи всѣхъ лицъ, исполняющихъ извѣстныя публичныя функціи, поскольку они остаются въ предѣлахъ этихъ послѣднихъ. «Какъ прокуроръ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за оскорбленіе, справедливо говоритъ Шведлеръ [1]), если вслѣдствіе оправдательнаго приговора, вошедшаго въ законную силу, обвиненіе является «nicht erweislich wahr», такъ и народный представитель»... И существованіе безотвѣтственности въ этихъ предѣлахъ собственно не требуетъ никакого обоснованія; какъ говоритъ Баръ [2]), «освобожденіе депутатовъ отъ уголовной отвѣтственности до этой границы не есть правовая аномалія, а правовая консеквенція»; весь смыслъ привилегіи заключается не въ этомъ; значеніе ея начинается именно тамъ, гдѣ, по выраженію Биндинга, прекращается несомнѣнное прикрытіе (Deckung) депутата его званіемъ. «Сущность абсолютной парламентской свободы рѣчи, замѣчаетъ Губрихъ, состоитъ въ томъ, что управомоченный охраняется при совершеніи дѣйствительныхъ словесныхъ преступленій за предѣлами границъ свободы сужденій, которая для него вытекаетъ и безъ того по общему праву изъ его званія (berufliche Stelle)» [3]).

Такимъ образомъ, собственно говоря, противъ предоставленія извѣстнаго объема свободы сужденій депутату никто не споритъ. Весь вопросъ въ томъ, должна ли существовать эта привилегія за предѣлами, всѣми признаваемыми, и на чемъ она должна покоиться. Почему, дѣйствительно, недостаточно здѣсь тѣхъ общихъ

---

[1]) Schwedler, Parlamentarische Rechtsverletzungen nach deutschem Reichsrecht, 1898, p. 17.

[2]) Bar, Die Redefreiheit der Mitglieder der gesetzgebenden Versammlungen, 1868, p. 10.

[3]) Hubrich, l. c. p. 326.

гарантій, которыя могутъ быть по закону предоставлены не только депутату, но и всякому должностному лицу?

Самый фактъ существованія привилегіи въ законодательствахъ всѣхъ странъ съ надлежаще развитымъ представительнымъ строемъ и одинъ фактъ борьбы въ исторіи парламентскихъ учрежденій за ея существованіе—уже указываютъ, что эта привилегія дѣйствительно вызывается насущными интересами реальной жизни. Это не есть продуктъ кабинетныхъ размышленій ученаго, насильственно прививаемый къ неподходящей почвѣ. Это—дѣйствительная потребность самой жизни. И эта потребность удовлетворяется тѣмъ, что государство, не желая мѣшать дѣятельности законодательныхъ учрежденій, отказывается отъ осуществленія принадлежащаго ему права на наказаніе, уступая его самому парламенту, который и осуществляетъ его подъ видомъ парламентской дисциплины. При этомъ, какъ говоритъ Муральтъ [1]), «исходятъ изъ того соображенія, что государство имѣетъ бо́льшій интересъ къ безпрепятственному осуществленію дѣятельности народныхъ представителей, чѣмъ къ проведенію своей уголовной угрозы, и что нарушенный частный интересъ долженъ отступить передъ даннымъ публичнымъ интересомъ». Государство вообще лишь въ силу исключительныхъ соображеній отказывается отъ примѣненія своей уголовной власти. Поэтому и здѣсь должны быть на лицо какія нибудь особыя основанія для этого.

Потребность въ существованіи привилегіи безотвѣтственности депутатовъ вытекаетъ изъ самаго характера народнаго представительства. Какъ говорилъ еще въ 1819 г. при обсужденіи закона о печати во французской палатѣ Ройе-Колляръ, «полная и совершенная независимость палатъ есть условіе ихъ существованія. Вотъ почему считается аксіомой представительнаго правленія, что трибуна отвѣтственна только передъ палатой» [2]). И дѣйствительно, только тогда народные представители будутъ на высотѣ своего положенія и въ состояніи

[1]) Muralt, l. c. p. 57.

[2]) Fabreguettes, Traité des delits politiques et des infractions par la parole, l'écriture et la presse, 1901, t. I, p. 78.

будутъ надлежащимъ образомъ выполнять свои функціи, когда они будутъ знать, что никакая власть, внѣ парламента лежащая, не имѣетъ права вмѣнить имъ въ вину все то, что они высказываютъ въ парламентѣ. Только тогда народный представитель можетъ правильно отправлять свои обязанности, когда онъ чувствуетъ себя свободнымъ, когда онъ можетъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ передъ своей совѣстью, передъ населеніемъ, его избравшимъ, и передъ той палатой, членомъ которой онъ состоитъ. Если онъ будетъ знать, что каждое его слово можетъ быть поставлено ему въ вину въ зависимости отъ оцѣнки значенія его уголовнымъ судомъ, который часто не въ состояніи бываетъ вникнуть въ значеніе этого слова въ связи со всей дѣятельностью палаты; если онъ будетъ всегда видѣть передъ собой дамокловъ мечъ, который каждую минуту въ видѣ уголовнаго преслѣдованія можетъ опуститься на его голову, онъ будетъ связанъ по рукамъ и ногамъ въ своей дѣятельности, и тогда идеаломъ парламента будетъ дѣйствительно молчаливый парламентъ въ духѣ приведеннаго выше мнѣнія Герау— парламентъ не говорящій, а лишь голосующій. Но едва ли интересы государственной жизни отъ такого порядка много выиграютъ. Къ тому же трудно часто сказать, гдѣ кончаются предѣлы той дозволенной дѣятельности порицанія существующихъ порядковъ, что вытекаетъ прямо изъ депутатскихъ полномочій, и гдѣ начинается уже область преступнаго. Установить эту въ высшей степени тонкую границу нелегко, и такимъ образомъ пришлось бы, при отсутствіи привилегіи, постоянно возбуждать уголовное преслѣдованіе во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, а это могло бы подать поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, поскольку этимъ давалась бы возможность власти сводить старые счеты съ отдѣльными депутатами. Въ особенности эта граница не можетъ быть легко проведена тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о деликтахъ политическихъ и примыкающихъ къ нимъ. Съ какого момента напр. дозволенная критика существующаго государственнаго строя переходитъ въ порицаніе установленнаго законами основными образа пра-

вленія, т. е. въ деликтъ, установленный въ ст. 128 уг. ул.? Во всякой рѣчи депутата можно при желаніи усмотрѣть возбужденіе массъ къ совершенію преступленій, предусмотрѣнное ст. 129, въ особенности п 6, говорящимъ о возбужденіи вражды между отдѣльными частями или классами населенія, между сословіями или между хозяевами и рабочими. Правда, въ извѣстныхъ случаяхъ составъ преступленія констатировать легко, но ради общаго принципа въ интересахъ послѣдовательнаго проведенія его приходится жертвовать этими случаями [1]). Что касается, наконецъ, сравненія дѣятельности депутата съ дѣятельностью служащаго, то это сравненіе по самому своему существу совершенно неправильно. Тѣхъ границъ, которыя установляются для дѣятельности служащихъ, здѣсь установить нельзя. Выбранный населеніемъ народный представитель и назначенный правительствомъ чиновникъ не могутъ пользоваться въ одинаковой мѣрѣ свободой высказыванія своихъ мнѣній, а самое стремленіе ограничить свободу сужденій депутатовъ предѣлами правъ, предоставляемыхъ служащему, указываетъ вообще на весьма своеобразную оцѣнку самой роли депутата.

Но къ соображеніямъ о необходимости существованія привилегіи, вытекающимъ изъ существа функціи депутата, слѣдуетъ прибавить еще и соображеніе иного рода. Дѣятельность народныхъ представителей въ парламентѣ, дѣятельность политическая, можетъ получить должную оцѣнку только съ точки зрѣнія самого парламента. Судъ не въ состояніи примѣнить ту оцѣнку, которая здѣсь можетъ быть единственно пригодной. Судъ, даже самый безпристрастный, можетъ оцѣнить только юридическую сторону рѣчи, или вообще выраженнаго мнѣнія депутата, можетъ считаться только съ тѣмъ, поскольку здѣсь нарушена опредѣленная норма закона. Политическую сторону дѣянія онъ долженъ игнорировать, а между тѣмъ она придаетъ совершенно иной характеръ произнесенной рѣчи, употребленнымъ въ ней

---

[1]) Какъ замѣчаетъ Esmein l. c. p. 760: «comme il arrive plus d'une fois, la protection n'a paru efficace qu'a à la condition d'être absolue».

выраженіямъ. Но, какъ показываетъ опытъ, судъ рѣдко въ этомъ отношеніи стоитъ на высотѣ своего положенія, будучи въ извѣстной зависимости отъ видовъ правительства. Судъ же пристрастный эту политическую сторону особенно приметъ во вниманіе и изъ нея неизбѣжно будетъ исходить при подведеніи содержанія рѣчи подъ составъ опредѣленнаго преступнаго дѣянія.

Такимъ образомъ въ интересахъ правильнаго отправленія депутатами своихъ обязанностей, въ интересахъ правильнаго функціонированія самого парламента, должна быть установлена привилегія безотвѣтственности народныхъ представителей за выраженныя мнѣнія и сужденія при отправленіи обязанности ихъ званія.

Но каково же юридическое значеніе этой привилегіи, каковъ смыслъ ея? Разсматривая данный вопросъ, мы должны сказать, что эта привилегія можетъ быть понимаема или въ смыслѣ особой привилегіи самого парламента или въ смыслѣ привилегіи членовъ послѣдняго. Въ первомъ смыслѣ понимается привилегія, какъ мы видѣли выше, въ англійскомъ правѣ, тамъ—это привилегія исключительной подсудности парламенту—никакой другой судъ не можетъ разсматривать всего того, что происходитъ въ парламентѣ. Почти такой же объемъ установился за привилегіей на практикѣ и во Франціи. Есть сторонники этого взгляда и въ Германіи. Такъ, между прочимъ въ этомъ смыслѣ высказался и рейхсгерихтъ въ своемъ рѣшеніи 5 марта 1881 г. признавъ по одному частному поводу, что все происходящее въ палатѣ не можетъ служить предметомъ доказыванія истины въ процессѣ о клеветѣ, и что въ этомъ случаѣ судья не можетъ характеризовать сужденіе члена парламента, какъ клеветническое, такъ какъ, такимъ образомъ дѣятельность депутатовъ была бы подведена подъ уголовный законъ [1]). Понимаемая въ такомъ смыслѣ привилегія безотвѣтственности есть привилегія не

---

[1]) Этотъ взглядъ раздѣляютъ въ нѣмецкой литературѣ: Olshausen, Kommentar zum Strafgesetzbuch für das deutsche Reich, 1904, p. 79; Hubrich, l. c. 350; Bar, Gesetz und Schuld im Strafrecht B. I, 1906, p. 243 и др.; иначе рѣшаютъ этотъ вопросъ Liszt, Lehrbuch des Strafrechts, 1906, p. 283, Binding, l. c. p. 676, Schwedler, l. c. p. 22 и др.

только личная, но и предметная. Конечно, законодатель можетъ установить и такую конструкцію привилегіи, предполагая сильно развитую дисциплинарную власть парламента и послѣдовательно проводя принципъ раздѣленія властей; но тогда этотъ способъ рѣшенія вопроса долженъ быть точно установленъ въ законѣ, какъ это сдѣлано въ Англіи.

Обыкновенно же привилегія безотвѣтственности понимается не такъ широко, она разумѣется какъ привилегія самыхъ депутатовъ, и сущность привилегіи, понимаемой въ такомъ смыслѣ, заключается въ установленіи безнаказанности депутата за его рѣчи въ парламентѣ—это его личная привилегія безнаказанности. Этой привилегіей устраняется лишь наказуемость дѣянія, но не устраняется самая противоправность его, и значеніе дѣянія, какъ противоправнаго, остается въ силѣ и сохраняется вездѣ, гдѣ объ этомъ можетъ возникнуть рѣчь. Поэтому можно представить себѣ уголовную отвѣтственность частнаго лица—не депутата—по соучастію съ депутатомъ въ словесномъ деликтѣ, учиненномъ послѣднимъ при исполненіи обязанности. Депутатъ въ этомъ случаѣ общей уголовной отвѣтственности не подвергается, но частное лицо, какъ подстрекатель, будетъ подлежать уголовному преслѣдованію. Таково господствующее мнѣніе по данному вопросу въ литературѣ; иначе смотритъ на это одинъ только Баръ, который совершенно произвольно утверждаетъ, что такъ какъ главное дѣяніе изъято изъ уголовно-правовой его характеристики судомъ, то и акцессорное дѣяніе, наказуемость виновника коего зависитъ отъ наказуемости виновника главнаго дѣйствія, не можетъ быть характеризуемо съ уголовной точки зрѣнія—иначе будетъ признаніе отвѣтственности и самаго виновника [1]). Но поскольку мы говоримъ здѣсь о личной привилегіи безнаказанности, не затрагивающей самаго существа противоправности дѣянія, мы должны считаться съ общимъ положеніемъ о томъ, что при соучастіи устраненіе отвѣтственности одного изъ соучастниковъ въ силу

[1]) Bar, l. c. p. 249.

обстоятельствъ, имѣющихъ характеръ строго личный, не устраняетъ отвѣтственности другихъ соучастниковъ. Съ другой стороны такъ какъ дѣяніе депутата сохраняетъ противуправный характеръ и при его безотвѣтственности, то посколько можетъ возникнуть вопросъ о наличности взаимности оскорбленій въ рѣчи народнаго представителя и въ рѣчи частнаго лица, постолько можетъ быть допущена компенсація обидъ. Таково мнѣніе сторонниковъ признанія личной привилегіи безотвѣтственности депутата [1]). Иначе должны рѣшать этотъ вопросъ тѣ, кто имѣетъ въ виду предметную привилегію. Такъ, Клейнфеллеръ замѣчаетъ, что при такомъ условіи судъ долженъ былъ бы обсуждать данное заявленіе депутата, какъ оскорбленіе [2]), а это дѣлать онъ не въ правѣ. Для нашего права этотъ вопросъ о компенсаціи обидъ практическаго значенія не представляетъ въ виду того, что оскорбленіе депутатовъ въ системѣ уложенія о наказаніяхъ (ст. 286[2]) отнесено, какъ учиненное при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ими обязанностей, къ преступленіямъ противъ порядка управленія, для котораго компенсація обидъ значенія представлять не можетъ.

Итакъ привилегія безотвѣтственности депутатовъ есть привилегія ихъ безнаказанности. Деликтъ, учиненный депутатомъ, сохраняетъ характеръ недозволеннаго дѣянія. Но, какъ извѣстно, деликтъ можетъ влечь за собой различныя правовыя послѣдствія, кромѣ наказанія, напр. отвѣтственность дисциплинарную, вознагражденіе за вредъ и убытки и т. д. Устраняются ли и эти послѣдствія неправды привилегіей безотвѣтственности? Что касается дисциплинарной отвѣтственности, то она должна быть устранена по тѣмъ же общимъ основаніямъ, что и уголовная отвѣтственность. Иначе обстоитъ дѣло съ отвѣтственностью гражданско-правовой. Можно ли требовать отъ депутата вознагражденіе за вредъ и убытки,

---

[1]) Такъ смотрятъ на это Binding, l. c. p. 676; Lizst, l. c. § 72; Schwedler, l. c. p. 29; Meyer Allfeld, Lehrbuch des Strafrechts, 1907, p. 349.

[2]) Kleinfeller, Privilegien въ Vergleichende Darstellung des deuts. und ausl. Strafrechts. Allg. T. B. I, 1908, 332; тоже говоритъ Hubrich, p. 35 Olshausen, p. 79 и др.

которые онъ причинилъ имущественнымъ интересамъ частнаго лица сдѣланными имъ въ своей рѣчи заявленіями? Вопросъ этотъ въ литературѣ спорный. Одни писатели исходятъ изъ того соображенія, что всякое преслѣдованіе судомъ депутата за его рѣчи должно быть устранено, а поэтому и гражданско-правовыя послѣдствія, которыя установляются на основаніи констатированнаго судомъ учиненнаго дѣянія, должны быть устранены [1]), другіе же считаютъ такое рѣшеніе вопроса недопустимымъ [2]). Послѣдній взглядъ представляется болѣе правильнымъ, если законъ категорически не установилъ иное положеніе. Сущность привилегіи лежитъ въ личной безнаказанности, а не въ признаніи правомѣрности дѣянія; гражданскій искъ сверхъ того не есть вмѣстѣ съ тѣмъ видъ «преслѣдованія», отъ котораго освобождается депутатъ.

Привилегія безотвѣтственности депутата есть привилегія безнаказанности. Но дѣяніе, учиненное депутатомъ и заключающее въ себѣ посягательство на извѣстныя правовыя нормы, посягательство обыкновенно наказуемое, не должно оставаться безъ всякой реакціи. И такая реакція обычно производится со стороны самаго парламента. Отвѣтственностью передъ парламентомъ компенсируется безотвѣтственность депутата передъ уголовнымъ или дисциплинарнымъ судомъ. Эта отвѣтственность безусловно должна существовать, и чѣмъ шире объемъ привилегіи, какъ въ Англіи и Франціи, тѣмъ шире и предѣлы дисциплинарной власти. Дисциплинарная власть парламента притомъ должна обладать энергичными и сильными мѣрами, чтобы имѣть возможность должнымъ образомъ противодѣйствовать депутату, допустившему въ своей рѣчи нарушеніе общихъ нормъ правопорядка. Слабая власть парламента въ этомъ отношеніи нерѣдко можетъ дать поводъ утверждать, что данный эксцессъ депутата остался безъ должной реакціи. И нельзя при этомъ говорить, какъ говорилъ Германнъ [3]),

[1]) Olshausen, l. c. p. 79; Bar, l. c. p. 248; Binding, l. c. p. 67 ; Hubrich, l. c. p. 370; Pierre, l. c. p. 1260; Le-Poittevin, l. c. p. 410.

[2]) Finger, Lehrbuch des deutschen Strafrechts. B. I, 1904, p. 433; Frank, Das Strafgesetzbuch für das deutsche Reich. 1908, p. 40.

[3]) См. выше, стр. 178.

что эта дисциплинарная власть затрагиваетъ данныя дѣянія не какъ таковыя, а какъ нарушенія правильности хода дѣлъ въ парламентѣ. Парламентъ, назначая ту или иную мѣру, въ большемъ или меньшемъ объемѣ примѣняя свою дисциплинарную власть, даетъ должную оцѣнку дѣянія, какъ нарушенія общаго правопорядка, а не только порядка внутри самого парламента.

III.

Переходя къ разсмотрѣнію нашего законодательства по вопросу о безотвѣтственности депутатовъ, мы можемъ сразу замѣтить, что постановленія нашего права отличаются въ этомъ отношеніи отъ постановленій всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ группъ различныхъ иностранныхъ законодательствъ, которыя были выше изложены, подчеркивая лишній разъ «самобытность» нашей конституціи. Наше законодательство не выдвигаетъ категорически того положенія, что члены законодательныхъ учрежденій не подвергаются судебному или иному преслѣдованію за выраженіе своихъ мнѣній; оно содержитъ опредѣленіе, формулированное нѣсколько иначе, а именно, ст. 14 Учр. Г. Д. говоритъ: «Члены Г. Д. пользуются полной свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями», а ст. 26 Учр. Г. Сов. повторяетъ то же въ отношеніи членовъ Гос. Сов. по выборамъ.

Каковъ же смыслъ этого опредѣленія и каковы предѣлы этой безотвѣтственности въ особенности въ виду существованія ст. 22 Уч. Г. Д., говорящей о томъ, что «Члены Г. Д. за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ чиновъ Государственнаго Управленія (Уч. Г. С. ст. 86—95)»?

Данный вопросъ имѣетъ огромное не только теоретическое, но и практическое значеніе и въ настоящее

время привлекаетъ интересъ къ себѣ и въ широкой публикѣ послѣ того, какъ въ прессѣ появились слухи о томъ, что правитель канцеляріи кавказскаго намѣстника привлекаетъ къ отвѣтственности депутата Пуришкевича за клевету, нашедшую себѣ выраженіе въ рѣчи этого депутата по кавказскому запросу. Однако до сихъ поръ этотъ вопросъ еще мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе нашихъ изслѣдователей. Если они его касались, то лишь между прочимъ, считая его рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ въ нашемъ правѣ, но не принимая, повидимому, во вниманіе возможности противуположныхъ взглядовъ и не опредѣляя ближе предѣловъ самой привилегіи. Такъ относится къ этому вопросу проф. Пусторослевъ [1]), который говоритъ, что «откровенное выраженіе своихъ мнѣній членами законодательныхъ собраній, при исполненіи своихъ законодательныхъ обязанностей, составляетъ не преступное дѣяніе, а исполненіе долга службы». Такимъ образомъ по мнѣнію проф. Пусторослева самое дѣяніе разсматривается какъ правомѣрное, но, повидимому, въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Каковы предѣлы этой безотвѣтственности, онъ не устанавливаетъ. Болѣе вниманія удѣляетъ этому вопросу проф. Лазаревскій, [2]) хотя нельзя сказать, чтобы формулированный имъ по этому вопросу взглядъ отличался должной отчетливостью. Разсматривая начало безотвѣтственности депутатовъ, онъ говоритъ: «Наше законодательство содержитъ по данному вопросу довольно странныя постановленія», а ближе анализируя ст. 14, замѣчаетъ: «отсюда *какъ бы* получается безотвѣтственность ихъ (членовъ Думы) передъ судомъ за «сужденія и мнѣнія» по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Д. Такъ какъ то или иное голосованіе есть выраженіе своего мнѣнія по данному вопросу, то надо заключить, что за поданный голосъ члены Д. не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности». Однако, проф. Лазаревскій далѣе прибавля-

---

[1]) Пусторослевъ, Русское уголовное право. Общая часть, вып. I, 1907, стр. 102.

[2]) Лазаревскій, Лекціи по русскому государственному праву, т. I. Конституціонное право, 1908, стр. 334.

етъ: «въ дѣйствующемъ законѣ имѣется другое болѣе существенное отступленіе отъ разсматриваемаго начала подсудности члена парламента только той палатѣ, къ которой онъ принадлежитъ», при этомъ дѣлается ссылка на ст. 22 и дается ей должная критика. Далѣе, проф. Розинъ [1]), останавливаясь на депутатской привилегіи, указываетъ на то, что значеніе ея въ томъ, что «дѣйствіе депутата не перестаетъ быть преступнымъ, но въ силу политическихъ соображеній виновный въ немъ не подлежитъ наказанію»; все-таки онъ не даетъ себѣ яснаго отчета объ объемѣ привилегіи, поскольку говоритъ, что «такой иммунитетъ членовъ палаты, народныхъ представителей, распространяется и на преступныя дѣянія, совершенныя ими внѣ парламента и внѣ исполненія своихъ обязанностей», смѣшивая такимъ образомъ привилегію безотвѣтственности съ привилегіей неприкосновенности депутатовъ. Наконецъ, проф. Таганцевъ [2]) указываетъ вообще, что «это изъятіе (т. е. безотвѣтственность депутатовъ) относится не столько къ качеству лица, сколько къ условіямъ дѣятельности», не входя въ ближайшее разсмотрѣніе содержанія этого изъятія.

Такимъ образомъ взгляды нашихъ теоретиковъ не отличаются большой ясностью и полнотой ни съ точки зрѣнія установленія объема привилегіи, ни съ точки зрѣнія ея содержанія.

Болѣе опредѣленно высказалась въ этомъ отношеніи наше судебная практика, представители которой проводили два діаметрально противуположные взгляда. Одинъ взглядъ былъ высказанъ товарищемъ прокурора СПБ. судебной палаты въ его протестѣ на оправдательный приговоръ по дѣлу крестьянина Ивана Федорова, обвинявшагося въ распространеніи листковъ, озаглавленныхъ «Декларація думской фракціи россійской соціалъ-демократической партіи, извлеченіе изъ отчета засѣданій Г. Д., 16 іюня» и подписанное именами 16 членовъ Г. Д.—листковъ, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго порядка путемъ революціонной

---

[1]) Розинъ, Объ оскорбленіи чести, 1907, стр. 240.
[2]) Таганцевъ, Русское уголовное право, т. I, 1908, стр. 286.

борьбы за народовластіе и за проведеніе въ жизнь соціальнаго строя». По словамъ товарища прокурора, «эта декларація получила троякое распространеніе: 16 іюня 1906 г. она была оглашена депутатомъ Джапаридзе въ засѣданіи Г. Д., затѣмъ она была помѣщена въ стенографическомъ отчетѣ, изд. Госуд. тип., и наконецъ, была отпечатана въ видѣ отдѣльныхъ листковъ. Признавая, что первыя двѣ формы распространенія означенной декларації на основаніи Учрежд. Г. Д. не подлежатъ уголовному преслѣдованію, первая вслѣдствіе иммунитета, присвоеннаго депутату, огласившему эту декларацію, а вторая, какъ не заключающая въ себѣ умысла къ возбужденію читателя», товарищъ прокурора нашелъ, что въ третьей формѣ распространенія имѣется составъ преступленія ст. 129 уг. ул. Сенатъ въ своемъ рѣшеніи по этому дѣлу (1907, № 25, Федорова), «не касаясь вопроса, въ чемъ заключается истинное значеніе предоставленной въ ст. 14 Уч. Г. Д. членамъ Думы полной свободы сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, а также не касаясь вопроса объ отвѣтственности членовъ Г. Д. за преступныя дѣянія, совершенныя ими при исполненіи или по поводу исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей по сему званію», все-таки, повидимому, исходилъ изъ представленія о томъ, что члены Г. Д. пользуются извѣстнымъ иммунитетомъ, такъ какъ онъ выразился въ этомъ рѣшеніи слѣдующимъ образомъ: «такія выдержки (изъ оффиціальныхъ отчетовъ Г. Д.)... могутъ... служить... безнаказаннымъ способомъ преступной пропаганды для лицъ, не пользующихся по закону никакимъ иммунитетомъ за свои дѣйствія», очевидно, что извѣстныя лица (а по смыслу всѣхъ разсужденій это — члены Г. Д.)—этимъ иммунитетомъ все-таки, по мнѣнію Сената, пользуются.

Совсѣмъ иной взглядъ на предѣлы иммунитета депутатовъ былъ высказанъ I-мъ департаментомъ Г. С. по дѣлу члена 1-ой Думы И. Л. Шрагъ. Въ своей рѣчи въ Думѣ, произнесенной 29-го іюня 1906 г. по поводу Бѣлостокскаго погрома, И. Л. Шрагъ между прочимъ указалъ, что иниціаторомъ и вдохновителемъ погрома,

происшедшаго въ г. Нѣжинѣ, былъ проф. мѣстнаго института и городской голова Лилеевъ. Въ виду этого заявленія. послѣдній въ порядкѣ ст. 22 Уч. Г. Д. подалъ на Высочайшее имя жалобу, обвиняя депутата Шрага въ диффамаціи (по ст. 1039 ул. о нак.). Прошеніе это было обращено въ I Департаментъ Г. С., который, разсмотрѣвъ предъявленное Лилеевымъ обвиненіе къ депутату Шрагу и не встрѣчая вообще препятствій къ привлеченію къ отвѣтственности депутата за рѣчь, сказанную въ Г. Д, указалъ лишь на отсутствіе состава диффамаціи въ дѣяніи депутата Шрага и постановилъ оставить въ виду этого прошеніе Лилеева безъ уваженія, но при этомъ однако объявилъ просителю, что онъ можетъ возбудить преслѣдованіе за клевету, по ст. 1535 ул. о нак., дѣло о которой не можетъ быть начато безъ жалобы потерпѣвшаго. Жалобы Лилеева однако не поступило, и дѣло было такимъ образомъ ликвидировано. Итакъ, фактъ на лицо, что Г. С. счелъ возможнымъ допустить уголовное преслѣдованіе депутата за рѣчь, сказанную имъ въ Г. Д,; Г. С., исходилъ при этомъ изъ слѣдующихъ соображеній: «принадлежащее членамъ Г. Д. право полной свободы сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Д., не исключаетъ отвѣтственности ни за оклеветаніе частныхъ лицъ, признающихъ себя оскорбленными оглашенными обстоятельствами, могущими повредить ихъ чести и доброму имени, ни за оклеветаніе должностныхъ лицъ оглашеніемъ завѣдомо ложныхъ обстоятельствъ, касающихся ихъ служебной дѣятельности, хотя бы оно послѣдовало въ произнесенной рѣчи въ Г. Д. ея членомъ... Не говоря уже о томъ, что оставлять безнаказанною клевету, кого бы она не касалась и въ какомъ бы видѣ и подъ какимъ предлогомъ она ни появлялась, было бы противно основнымъ правиламъ справедливости, нельзя не признать, что условія, при которыхъ должностное лицо можетъ прибѣгать къ клеветническому обвиненію кого либо, вовсе не таковы, чтобъ они могли измѣнить существо понятія клеветы, какъ преступленія. Оклеветанному, даже въ служебномъ заявленіи, никогда не можетъ быть отказано въ возстановленіи его чести снятіемъ

несправедливо возведеннаго на него тѣмъ обвиненія». Такимъ образомъ въ этомъ своемъ рѣшеніи I Деп. Г. С. руководился съ одной стороны основными правилами справедливости, съ другой—полнымъ отождествленіемъ роли народнаго представителя съ ролью должностного лица. На особый характеръ дѣятельности депутата, на ближайшее выясненіе предѣловъ безотвѣтственности по ст. 14 Уч. Г. Д. здѣсь никакого вниманія не обращено. Во всякомъ случаѣ это рѣшеніе I-го Д. Г. С. представляется весьма важнымъ прецедентомъ.

Другой прецедентъ былъ въ другой области, но онъ еще болѣе характеренъ въ смыслѣ допущенія инкриминированія воздержанія депутата отъ участія въ засѣданіи Думы. Этотъ прецедентъ относится къ дѣятельности Св. Синода. Св. Синодъ 23 мая 1907 г. постановилъ: «священники Тихвинскій, Колокольниковъ и Архиповъ, какъ не представившіе заслуживающихъ уваженія оправданій отъ обвиненій ихъ въ намѣренномъ отсутствіи на засѣданіи Думы 7 мая и неисполненіи требованій, предъявленныхъ имъ указомъ Св. С., подлежатъ преданію суду своего епархіальнаго начальства». При этомъ Синодъ не ограничивался церковной стороной дѣла, а говорилъ, что епархіальныя начальства должны войти въ сужденіе относительно допущенія священниками «означенныхъ несовмѣстныхъ съ священнымъ саномъ и нетерпимыхъ для всякаго вѣрно-подданнаго дѣяній» [1]). Результатъ этого указа Синода извѣстенъ. Такъ напр. Вятская духовная консисторія 20 іюля 1907 г. приговорила священника Тихвинскаго къ лишенію священническаго сана съ исключеніемъ изъ духовнаго званія между прочимъ и за то, что онъ нарушилъ долгъ пастырскаго служенія одобрительнымъ отношеніемъ къ разрушительной крамольной дѣятельности революціонеровъ [2]). Такимъ образомъ здѣсь установлена отвѣтственность депутата въ особомъ дисциплинарномъ порядкѣ съ вытекающими отсюда тяжкими обще-гражданскими послѣдствіями за

---

[1]) Право, 1907 г. № 21, стр. 1527.
[2]) Право, 1907, № 31, стр. 2116.

дѣяніе, относящееся къ исполненію обязанностей его званія.

Въ самомъ недавнемъ времени противъ привилегіи безотвѣтственности высказались лица, взгляды которыхъ имѣютъ извѣстное политическое значеніе и являются опредѣленными симптомами въ нашей политической жизни,—именно министръ юстиціи Щегловитовъ въ своемъ интервью, помѣщенномъ въ газетѣ «Новая Русь» [1]), сославшійся при этомъ на прецедентъ по дѣлу Шрага, а также депутатъ Замысловскій въ своей рѣчи, сказанной въ засѣданіи Думы 3 марта сего года; вотъ слова послѣдняго: «мы надѣемся, что мы доживемъ до того дня, когда и тѣхъ лицъ, которые призываютъ съ кафедры Г. Д. къ бунту, тоже будутъ привлекать въ качествѣ обвиняемыхъ на подобіе г. Гиллерсона».

И такъ, вопросъ въ томъ, который изъ двухъ приведенныхъ взглядовъ представляется съ точки зрѣнія нашего права правильнымъ—тотъ ли, который признаетъ безотвѣтственность депутатовъ за ихъ рѣчи, или тотъ, который ее отрицаетъ.

Для рѣшенія даннаго вопроса, слѣдуетъ прежде всего обратиться къ исторіи текста ст. 14 Уч. Г. Д., къ тексту проекта Уч. Г. Д. и къ тѣмъ разсужденіямъ его составителей, на которыхъ оно основывалось.

Въ этомъ отношеніи можно найти слѣдующія соображенія министра В. Д. Булыгина, составителя проекта Уч. Г. Д. «Положеніе членовъ Г. Д., отъ которыхъ и государственная власть, и населеніе, ихъ избравшее, ожидаютъ откровеннаго слова по всѣмъ дѣламъ, которыя имъ будутъ предложены, вызываетъ необходимость обезпечить имъ полную увѣренность, что личность ихъ не подвергнется никакому принудительному воздѣйствію или вліянію въ томъ или иномъ направленіи, какъ со стороны населенія, ихъ избравшаго, такъ и со стороны административныхъ властей. Въ этомъ отношеніи представлялось бы необходимымъ опредѣленно оговорить въ законѣ, что избиратели не могутъ обязывать члена Г. Д. какими либо инструкціями, равно какъ требовать отъ

---

[1]) «Новая Русь», № отъ 12 марта с. г.

него отчета въ его дѣйствіяхъ и сужденіяхъ, высказанныхъ въ Думѣ. Съ другой стороны члены Г. Д. за все время пребыванія въ этомъ званіи должны быть обезпечены отъ всякихъ стѣсненій и ограниченій въ личной свободѣ или въ правѣ передвиженія, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ, равно какъ личнаго задержанія за долги; въ случаѣ же совершенія ими какого либо преступнаго дѣянія при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей по своему званію должны подлежать судебной отвѣтственности въ томъ же порядкѣ, какой положенъ для членовъ Г. С. въ случаѣ нарушенія послѣдними долга службы (Уч. Г. С. ст. 105—113)» [1]). Сообразно съ этимъ въ проектѣ Булыгина были сдѣланы слѣдующія постановленія:

ст. 23. Членъ Г. Д. доколѣ состоитъ въ семъ званіи не можетъ быть подвергаемъ лишенію или ограниченію свободы распоряженіемъ административной власти и равно не подлежитъ личному задержанію за долги.

ст. 24. Члены Г. Д. за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности за нарушенія долга службы членовъ Г. С. (Учр. Г. С. ст. 105—113).

Ст. 25. Избиратели не могутъ возлагать на членовъ Г. Д. какихъ либо обязательствъ или требовать отъ нихъ отчетовъ къ ихъ дѣятельности по сему званію.

Другихъ опредѣленій по данному вопросу въ проектѣ не содержалось и такимъ образомъ о безотвѣтственности депутатовъ собственно рѣчи въ немъ не было; здѣсь рѣчь шла только о ихъ неприкосновенности и указывался особый порядокъ привлеченія ихъ къ отвѣтственности, установленный въ отношеніи преступленій по службѣ.

Совѣтъ министровъ, разсматривая проектъ Булыгина, въ общемъ принялъ предложенія послѣдняго. Въ своей меморіи онъ повторилъ почти дословно разсуж-

---

[1]) Матеріалы по учрежденію Г. Д. вып. I, 1905, стр. 144[5], изд. неоф.

денія министра в. д. о необходимости обезпечить членамъ Г. Д. неприкосновенность, причемъ меморія лишь измѣняетъ нѣсколько слова министра в. д. въ томъ отношеніи, что говоритъ объ «увѣренности, что личность ихъ (т. е. депутатовъ) не подвергнется какому либо принудительному воздѣйствію въ иномъ кромѣ судебнаго порядкѣ». Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о принудительномъ воздѣйствіи въ томъ же смыслѣ, что и въ соображеніяхъ министра в. д., нашедшихъ себѣ выраженіе въ ст. 23 проекта Уч. Г. Д. и что выражено въ ст. 15 и 16 Учр. Г. Д., гдѣ отрицательная форма выраженія, употребленная въ ст. 23 проекта, замѣнена утвердительной: «Членъ Г. Д. можетъ быть подвергнутъ... не иначе какъ по распоряженію судебной власти». Но затѣмъ въ меморіи говорится: «соотвѣтственно сему, одобривъ въ общемъ проектируемыя въ этомъ отношеніи министромъ в. д. постановленія и не усматривая надобности въ подробныхъ постановленіяхъ о порядкѣ судебной отвѣтственности членовъ Думы за общіе проступки, Совѣтъ министровъ призналъ необходимымъ болѣе точно выразить мысль о томъ, что сужденія и мнѣнія, выражаемыя членами Д. по ихъ званію, вполнѣ свободны (Учр. Г. Д. § 15, 16, 17)» [1]).

Сообразно съ этимъ въ Учр. Г. Д. 6-го августа 1905 г. уже содержалась ст. 14, воспроизведенная безъ измѣненія и въ Учр. 20 февр. 1906 г.

Этой статьей установленъ новый принципъ, котораго не было въ проектѣ Булыгина, и хотя въ меморіи сказано, что совѣтъ министровъ его выставляетъ «соотвѣтственно сему», т. е. повидимому соотвѣтственно принципу недопущенія «принудительнаго воздѣйствія въ иномъ кромѣ судебнаго порядкѣ», но это выраженіе имѣетъ значеніе лишь слова, употребленнаго для перехода отъ одного вопроса къ другому, потому что о «соотвѣтствіи» здѣсь рѣчи быть не можетъ: раньше рѣчь шла объ обезпеченіи личной свободы вообще, т. е. установлялся принципъ неприкосновенности депутатовъ,

---

[1]) Матеріалы, стр. 12.

здѣсь же рѣчь идетъ о свободѣ сужденій и мнѣній, т. е. установляется принципъ безотвѣтственности ихъ.

Такова исторія возникновенія ст. 14 Учр. Г. Д. Какъ мы видимъ, первоначальный текстъ проекта Учр. Г. Д. и окончательная редакція его расходятся другъ съ другомъ по вопросу о привилегіи безотвѣтственности, и мотивы закона показываютъ, что выставленный въ немъ принципъ полной свободы сужденій возникъ мимоходомъ, причемъ, повидимому, составители закона не вполнѣ ясно себѣ представляли содержаніе той привилегіи, которую они установили въ ст. 14 Учр. Г. Д.

IV.

Но какъ бы мы ни толковали мотивы закона, мы должны имѣть въ виду, что толкованію подлежатъ прежде всего не эти мотивы, а самый текстъ закона и что основное правило толкованія—считаться съ общимъ духомъ законовъ.

Что же мы въ этомъ отношеніи можемъ установить?

1) Считаясь съ общимъ духомъ Основныхъ Законовъ и Учр. Г. Д., мы должны сказать слѣдующее. Манифестъ 17 окт. 1905 г. создаетъ народное представительство и призываетъ населеніе къ участію въ законодательной дѣятельности. Сообразно съ этимъ ст. 86 Основ. Зак. говоритъ, что «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Г. С. и Г. Д. и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора». Г. Д. есть такимъ образомъ учрежденіе законодательное, а не законосовѣщательное, и члены ея принимаютъ участіе въ дѣятельности законодательной. Но для надлежащаго выполненія обязанностей своего званія въ этой области каждый депутатъ долженъ обладать не только личной неприкосновенностью, о чемъ только и говорилось первоначально въ проектѣ Учр. Г. Д., но и безотвѣтственностью за свои сужденія и мнѣнія; онъ долженъ имѣть право вполнѣ свободно высказывать свое убѣжденіе, не боясь обычной отвѣтственности за это, установляемой въ судебномъ или иномъ, напр. дисциплинарномъ, порядкѣ. Поэтому, если мы въ законѣ

встрѣчаемъ формулу, говорящую о предоставленіи депутатамъ полной свободы мнѣній и сужденій, а не простое лишь молчаніе закона, то мы должны наполнить эту формулу тѣмъ содержаніемъ, которое вытекаетъ изъ существа обязанностей участвующаго въ законодательной дѣятельности депутата. Молчаніе же закона обозначало бы, что члены Г. Д въ этомъ отношеніи связаны лишь общими законами наряду съ частными лицами или же лицами, выполняющими опредѣленныя функціи въ сферѣ государственной или общественной дѣятельности.

2) Еслибы мы приравнивали формулу ст. 14 Учр. Г. Д. молчанію закона и утверждали бы, что ею не устанавливается никакой особой привилегіи, то возникало бы сомнѣніе въ правильности такого толкованія этой статьи въ виду существованія ст. 79 Основ. Зак., которая говоритъ, что «каждый можетъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами». Если бы формула ст. 14 Учр. Г. Д. не устанавливала никакой привилегіи для народныхъ представителей, то тогда она представлялась бы излишней, будучи лишь новымъ повтореніемъ уже однажды въ законахъ сказаннаго. Но въ ст. 14 Учр. Г. Д. говорится не просто о свободѣ сужденій и мнѣній, а о «полной» свободѣ, и это, конечно, указываетъ, что объемъ свободы слова депутата идетъ дальше тѣхъ предѣловъ, которые установлены для всѣхъ гражданъ общими законами. Послѣдніе, нарушая эти предѣлы, отвѣчаютъ за преступныя дѣянія, а народные представители за это не наказываются. Въ видѣ аналогіи взаимоотношенія ст. 79 Осн. Зак. и ст. 14 Учр. Г. Д., касающейся привилегіи безотвѣтственности, можно привести параллель между ст. 73 Осн. Зак. и ст. 15 Учр. Г. Д., говорящей о привилегіи неприкосновенности депутата. Ст. 73 говоритъ: «никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ», допуская, слѣдовательно, возможность и внѣсудебнаго задержанія, поскольку это установляется законами, а ст. 15 Учр. Г. Д. установляетъ особую привилегію въ этомъ отношеніи для депутатовъ по срав-

ненію съ остальными гражданами, говоря: «членъ Г. Д. можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги». Ст. 14 и 15 Учр. Г. Д. устанавливаютъ такія привилегіи для депутатовъ, которыя для остальныхъ гражданъ не предполагаются, и само собой разумѣется, что еслибы этихъ статей въ Учр Г. Д. не было, то на депутатовъ распространялись бы лишь общія начала, установленныя въ ст. 79 и 73 Осн. Зак.

3) Правильность признанія этой привилегіи за народными представителями въ смыслѣ установленія безнаказанности ихъ за такія дѣянія, за которыя остальные граждане подлежатъ уголовному наказанію, подтверждается далѣе слѣдующимъ соображеніемъ. Привилегія членовъ Г. Д. распространена ст. 26 Учр. Г. С. и на членовъ Г. С., но на членовъ его только по выборамъ. Члены Г. С. по назначенію, будучи правительственными чиновниками, а не народными представителями, вполнѣ естественно, этой привилегіей не пользуются. Если бы данной статьей не устанавливалась особая привилегія для народныхъ представителей въ смыслѣ полной безотвѣтственности ихъ, т. е. за тѣми предѣлами, которые покрываются званіемъ депутата, то зачѣмъ же было бы ее оговаривать именно въ отношеніи выборныхъ членовъ въ противуположность назначеннымъ, которые, какъ всякія дожностныя лица, исполняя обязанности своей службы, признаются дѣйствующими правомѣрно и пользуются безотвѣтственностью поскольку остаются въ предѣлахъ своихъ полномочій,—но полной свободой сужденій, какъ чиновники, они не обладаютъ. Правда, ст. 5 Учр. Г. С. содержитъ указанія, что Гос. Сов. въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, «пользуется всею свободою мнѣній», но эта статья не говоритъ о какой нибудь особой привилегіи членовъ Г. С., а указываетъ только на то, что въ Г. С. могутъ свободно высказываться разнообразныя мнѣнія; она является остаткомъ и частью ст. 96 прежняго Учр. Г. С., гдѣ давались общія указанія о томъ, какъ слѣдуетъ Г. С. относиться къ дѣламъ, имъ разсматриваемымъ.

4) Дѣянія, учиняемыя народными представителями, являются, какъ сказано было выше, въ случаѣ, если они подходятъ подъ соотвѣтственныя статьи уголовнаго кодекса, дѣяніями противоправными, но не наказуемыми. Противоправность же ихъ не остается безъ всякой реакціи, эта реакція только опредѣляется въ иномъ порядкѣ, чѣмъ это принято вообще для преступныхъ дѣяній, именно въ видѣ проявленія особаго автономнаго уголовнаго права парламента, называемаго обыкновенно дисциплинарнымъ правомъ. Широкіе предѣлы этого дисциплинарнаго права по нашему законодательству указываютъ на то, что законодатель могъ имѣть въ виду создать этимъ должный противовѣсъ безнаказанности депутатовъ. Если бы безотвѣтственность депутатовъ не устанавливалась и если бы, слѣдовательно, была возможность привлеченія къ уголовной отвѣтственности депутата за всякій эксцессъ его рѣчи, то незачѣмъ было бы установлять суровыхъ дисциплинарныхъ мѣръ.

Въ нашемъ законодательствѣ дисциплинарная власть парламента регулируется ст. 37 и 38 Учр. Г. Д.; изъ нихъ первая говоритъ о правѣ предсѣдателя останавливать того изъ членовъ Г. Д., который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону, и предоставляетъ предсѣдателю право объявить перерывъ засѣданія или его закрыть, а вторая опредѣляетъ, что въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Г. Д., онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы; при этомъ указывается, что членъ Д. удаляется изъ засѣданія по постановленію общаго собранія Д. либо ея отдѣла или комиссіи по принадлежности, а устраняется отъ участія въ собраніяхъ Д. на опредѣленный срокъ не иначе, какъ по постановленію общаго ея собранія. Какъ извѣстно на основаніи наказа Г. Д., это устраненіе отъ участія въ собраніяхъ доходитъ до устраненія на 15 засѣданій, т. е. примѣняется въ такомъ же объемѣ, какъ и во Франціи.

5) Какъ извѣстно, наряду съ привилегіей безнаказанности депутатовъ за сужденія и мнѣнія, высказанныя

ими при исполненіи обязанностей ихъ званія, устанавливается въ конституціонныхъ государствахъ общая привилегія безнаказанности за напечатаніе согласныхъ съ истиной отчетовъ законодательныхъ учрежденій, какъ бы самый фактъ напечатанія вообще ни являлся по закону преступнымъ, поскольку содержаніе отдѣльныхъ рѣчей депутатовъ, помѣщенныхъ въ отчетѣ, заключаетъ въ себѣ составъ какого нибудь преступленія, напр. клеветы, оскорбленія величества, кощунства и т. п. Эта привилегія установляется независимо отъ привилегіи безотвѣтственности депутатовъ, ея обоснованіе иное, чѣмъ обоснованіе депутатскаго иммунитета, но, конечно, обѣ эти привилегіи взаимно дополняютъ другъ друга и тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ. Всѣ современныя законодательства предусматриваютъ этотъ иммунитетъ, посвящая ему отдѣльныя статьи или въ самой конституціи (ст. 22 германск. констит.), или же, что встрѣчается чаще, въ законахъ о печати (франц. законъ 1881 г., art. 41, итал. 1848 г. art. 30 и 31, австр. 1862 г. § 28); исторія же англійскаго права показываетъ намъ, что можетъ существовать привилегія безотвѣтственности депутатовъ безъ соотвѣтствующей привилегіи отчетовъ о засѣданіяхъ парламента, но обратнаго случая законодательства не знаютъ.

Въ нашемъ правѣ этотъ принципъ въ томъ видѣ, какъ онъ формулируется обыкновенно въ иностранныхъ законодательствахъ, не выраженъ, а имѣются лишь ст. 45 Учр. Гос. Думы и соотвѣтствующая ей ст. 41 Учр. Г. С., гдѣ просто говорится: «отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ общаго собранія Г. Д. составляются присяжными стенографами и по одобреніи предсѣдателемъ Д. допускаются къ оглашенію въ печати кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ». Эти статьи ничего не говорятъ о безнаказанности помѣщенія подобныхъ отчетовъ съ преступнымъ содержаніемъ въ произведеніяхъ печати, но между тѣмъ данный принципъ самъ собою разумѣется и въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ст. 45. Это признано и сенатомъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи уг. к. д. по дѣлу крест. И. Федорова 1907, № 25;

въ этомъ рѣшеніи мы читаемъ: «публикуемые согласно ст. 45 Учр. Г. Д. съ одобренія предсѣдателя Д. стенографическіе отчеты могутъ быть безвозбранно перепечатываемы полностью, какъ въ повременныхъ, такъ и періодическихъ изданіяхъ прессы;... только воспроизведеніе въ печати и распространеніе отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ въ томъ именно видѣ, какъ таковые разрѣшены къ печатанію, должно быть допускаемо безпрепятственно и не можетъ считаться преступнымъ. Всякое измѣненіе такихъ отчетовъ въ количественномъ или качественномъ отношеніи, допущенное въ періодической или повременной печати, составляетъ оглашеніе отчетовъ Д. не въ томъ видѣ, въ которомъ законъ дозволяетъ оглашеніе ихъ печати, и потому такіе измѣненные отчеты и не могутъ пользоваться иммунитетомъ, обезпеченнымъ отчетамъ, оглашаемымъ, согласно правиламъ, установленнымъ въ ст. 45 Учр. Г. Д.». Такимъ образомъ эта привилегія нашла у насъ признаніе со стороны Сената, хотя собственно говоря, данный иммунитетъ въ смыслѣ освобожденія отъ преслѣдованія за напечатаніе отчетовъ нигдѣ прямо закономъ не установленъ, какъ это сдѣлано въ другихъ законодательствахъ. Но если такъ истолковано молчаніе нашего закона въ отношеніи этого иммунитета, то тѣмъ болѣе должно быть допущено существованіе иммунитета народныхъ представителей, о «полной свободѣ сужденій и мнѣній» которыхъ говоритъ прямо законъ. Какъ логически изъ содержанія ст. 45 и значенія публичности засѣданій парламента пришлось вывести существованіе иммунитета отчетовъ по нашему праву, такъ логически изъ содержанія ст. 14 и существа обязанностей депутатовъ приходится выводить существованіе привилегіи безотвѣтственности ихъ. Къ тому же, если мы будемъ признавать иммунитетъ отчетовъ и будемъ отрицать иммунитетъ депутатовъ, то мы придемъ къ тому нелѣпому выводу, что депутата за его рѣчь, произнесенную въ Думѣ можно привлечь къ отвѣтственности, напр. по ст. 129 уг. ул., а того, кто распространяетъ напечатанные въ частномъ повременномъ изданіи отчетъ того

засѣданія Д., гдѣ рѣчь была произнесена, привлекать къ отвѣтственности нельзя.

6) Но всѣ предыдущія соображенія, повидимому, разбиваются ст. 22 Учр. Г. Д., опредѣляющей особый порядокъ отвѣтственности депутатовъ за преступныя дѣянія, учиненныя ими при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію; казалось бы, что эту статью слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что она уничтожаетъ самый принципъ безотвѣтственности, установленный ст. 14, и что, слѣдовательно, никакой особой привилегіей депутаты по нашему праву не пользуются; но содержаніе этой статьи совершенно иное, и она нисколько не подрываетъ значенія ст. 14 Учр. Г. Д. Самый смыслъ ст. 22 таковъ. Подобно тому, какъ нахожденіе на государственной или общественной службѣ или занятіе извѣстной должности могутъ давать возможность служащимъ или должностнымъ лицамъ учинять такія преступленія, которыя или не могутъ быть вовсе учиняемы частными лицами, или же по сравненію съ преступленіями послѣднихъ пріобрѣтаютъ особый характеръ въ виду особенности субъекта посягательства, такъ и положеніе народныхъ представителей даетъ имъ возможность совершать преступныя дѣянія, которыя не могутъ быть учиняемы остальными гражданами, или которыя, будучи учинены ими, получаютъ особое значеніе. Эти преступныя дѣянія депутатовъ, слѣдовательно, должны соотвѣтствовать тѣмъ дѣяніямъ, которыя именуются въ законѣ преступленіями по службѣ, но, такъ какъ народные представители не состоятъ на службѣ, то для обозначенія ихъ преступныхъ дѣяній выбранъ терминъ, неоднократно употребляемый въ нашемъ правѣ—преступленіе, учиненное при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей. Интересно отмѣтить, что до сихъ поръ этотъ терминъ—и вполнѣ умѣстно—употреблялся для обозначенія преступныхъ дѣяній, учиненныхъ противъ служащаго при исполненіи или по поводу исполненія имъ своихъ обязанностей—причемъ выраженіе «при исполненіи» опредѣляло ближе моментъ совершенія преступленія, а—«по поводу» указывало на побужде-

ніе лица, учиняющаго преступное дѣяніе. Теперь же этотъ терминъ употребляется впервые для характеристики не объекта, а субъекта преступнаго дѣянія, такъ какъ въ законѣ говорится о дѣяніи, учиненномъ депутатомъ при исполненіи обязанностей или по поводу ихъ, и если первую категорію дѣяній, т. е. преступленій, совершенныхъ при исполненіи обязанностей званія, и можно себѣ представить, то нельзя сказать этого относительно второй категоріи, гдѣ рѣчь идетъ о мотивѣ дѣятельности виновнаго. По поводу исполненія обязанностей службы нельзя совершить преступленія. Что дѣйствительно въ ст. 22 имѣлись въ виду тѣ преступленія, которыя соотвѣтствуютъ преступленіямъ по службѣ, это видно изъ того, что для этихъ преступленій установленъ тотъ порядокъ, который существуетъ въ отношеніи опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, совершающихъ преступленія по службѣ ихъ—преданіе верховному уголовному суду. Верховный уголовный судъ—по нашему праву особый судъ для сужденія о преступленіяхъ по службѣ, учиненныхъ высшими государственными сановниками. Онъ замѣняетъ собой тѣ особые суды (напр. сенатъ, судеб. палату съ сословн. представител.), которые установлены для сужденія преступленій по службѣ другихъ должностныхъ лицъ и служащихъ. Ясно, что, устанавливая особый порядокъ отвѣтственности для членовъ Г. Д. и Г. С. по выборамъ, законодатель имѣлъ въ виду тѣ преступленія ихъ, которыя соотвѣтствуютъ преступленіямъ по службѣ. И эта мысль нашла себѣ не вполнѣ правильное, но вполнѣ понятное выраженіе въ ст. 1076 у. у. с. (по прод. 1906), помѣщенной въ главѣ «о судопроизводствѣ по преступленіямъ должности» и говорящей о томъ, что «верховному уголовному суду предаются за преступленія должности члены Госуд. Д. и члены Гос. Сов., предсѣдатель Сов. Мин., министры, главноуправляющіе отдѣльными частями, намѣстники и генералъ-губернаторы». Какъ ни неудачно здѣсь выраженіе «преступленіе по должности», но смыслъ его вполнѣ ясенъ. Такимъ образомъ, ст. 22 должна предусматривать тѣ дѣянія, которыя соотвѣтствуютъ преступленіямъ по службѣ,

поскольку они могутъ быть учинены депутатами; слѣдовательно, сюда изъ всей массы преступленій по службѣ, извѣстныхъ уложенію о наказаніяхъ, можно было бы отнести только превышеніе власти (ст. 341), лихоимство (ст. 373), оскорбленіе кого либо при отправленіи должности словомъ или дѣломъ (ст. 347), присвоеніе ввѣреннаго имущества (ст. 354) и подлогъ (ст. 362). Но нужно замѣтить, что всѣ статьи улож. о нак., касающіяся преступленій по службѣ, предполагаютъ субъекта—служащаго, и пока нѣтъ въ законѣ прямого указанія на то, что служащимъ приравниваются въ содѣяніи того или другого преступленія депутаты, до тѣхъ поръ примѣненіе соотвѣтствующихъ нормъ по аналогіи представляется весьма сомнительнымъ—настолько неоднородны и самыя функціи и значеніе дѣятельности съ одной стороны народныхъ представителей и служащихъ съ другой. Законодательство Западной Европы показываетъ намъ въ этомъ отношеніи слѣдующее. Тамъ, гдѣ въ самый текстъ уголовнаго кодекса вносится ближайшее опредѣленіе понятія служащаго въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ напр. въ Германіи, тамъ не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности депутата за преступленія, субъектомъ которыхъ можетъ быть только служащій. Напротивъ того тамъ, гдѣ такого опредѣленія въ законодательствѣ не дается, наблюдается стремленіе практики подводить подъ соотвѣтствующія статьи закона преступныя дѣянія депутатовъ. Такъ это имѣло мѣсто въ Италіи въ 1893 г., когда палата согласилась выдать депутата de Zerbi, обвинявшагося въ присвоеніи имущества и подкупѣ, и во Франціи до закона 4 іюля 1899 г. [1]). Изъ современныхъ законодательствъ только французское послѣ указаннаго закона, измѣнившаго art. 177 Code pén., предусматриваетъ прямо взяточничество (corruption), учиненное лицомъ, обладающимъ mandat électif [2]). Съ другой стороны art. 266 бельгійскаго

[1]) Рѣшеніемъ кассаціоннаго суда 29 мая 1886 г. было разъяснено, что art. 177 Code pénal, говорящій о «fonctionnaire public», имѣетъ въ виду и депутатовъ.

[2]) Рѣшеніе кассаціоннаго суда 24 февр. 1893 г. по дѣлу Лессепса категорически устанавливаетъ, что ст. 177 обнимаетъ подкупъ какъ сенаторовъ, такъ и депутатовъ. Это признается въ настоящее время и теоріей, отстаивавшей до закона 1889 г. иное толкованіе (ср. Garraud. l. c. t. IV. p. 63).

уг. ул., говорящій о взяточничествѣ, учиненномъ вообще со стороны «toute personne chargée d'un service public» даетъ возможность подводить подъ эту статью и преступленія депутатовъ. Наконецъ, голландское улож. даетъ такое широкое опредѣленіе понятія служащаго, что подъ него могутъ быть подведены и народные представители (art. 84). Мысль о распространеніи понятія служащаго и въ отношеніи депутатовъ возникала также при составленіи италіанскаго код., но не получила должнаго признанія [1]). Итакъ, пока уголовный матеріальный законъ не создалъ еще особыхъ опредѣленій объ отвѣтственности депутатовъ за преступныя дѣянія, учиненныя ими при исполненіи обязанностей ихъ званія, до тѣхъ поръ ст. 22 лишена реальнаго содержанія. Наконецъ, въ виду того, что въ этой статьѣ говорится о такихъ дѣяніяхъ, которыя соотвѣтствуютъ преступленіямъ по службѣ, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ предполагать, что ею объемлются тѣ случаи, гдѣ рѣчь идетъ объ общихъ преступленіяхъ, совершенныхъ депутатами при исполненіи обязанности званія, разъ они не образуютъ преступленія по службѣ. Поскольку оскорбленіе величества, кощунство, возбужденіе массъ и т. п. не являются преступленіями по службѣ, и поскольку даже служащій, совершившій ихъ при исполненіи обязанностей службы, не предается за это суду въ томъ особомъ порядкѣ, который установленъ для преступленій по службѣ, постольку нельзя установлять противуположнаго начала въ отношеніи преступныхъ дѣяній этого рода, учиненныхъ депутатомъ при исполненіи его обязанностей. За общія же преступленія, поскольку они не проявляются въ преступленіяхъ, совершенныхъ словесно, депутатъ долженъ привлекаться къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, независимо отъ того, гдѣ совершено преступленіе—въ засѣданіи парламента или внѣ его.

Итакъ, разсматривая всѣ выше приведенныя соображенія, мы должны сказать, что по нашему законодательству признается привилегія безотвѣтственности

---

[1]) Wachinger. Verbrechen und Vergehen im Amte (Vergl. Darst. des deuts. u. ausl. Strafrechts Bes. T. IX p. 280).

депутатовъ. И можно лишь пожелать, чтобъ во избѣжаніе всякихъ сомнѣній этотъ принципъ былъ формулированъ такъ же ясно, какъ и въ другихъ законодательствахъ. Въ этомъ отношеніи казалось бы особенно цѣлесообразнымъ, сохраняя ст. 14 Учр. Г. Д., внести въ уголовное уложеніе по образцу § 11 Германск. уг. ул. опредѣленіе, которое гласило бы, что «членъ Г. Д. или Г. С. по выборамъ не можетъ подлежать преслѣдованію за тѣ сужденія и мнѣнія, которыя онъ высказываетъ при исполненіи обязанностей своего званія, подвергаясь за это отвѣтственности лишь передъ той палатой, членомъ которой онъ состоитъ». Подобное положеніе, внесенное въ гл. I, отд. II «о пространствѣ дѣйствія уголовнаго закона», давало бы указаніе на ограниченіе предѣловъ дѣйствія уголовныхъ законовъ въ отношеніи депутатовъ, пользующихся иммунитетомъ.

V.

Разсмотримъ теперь ближе вопросъ объ объемѣ привилегіи безотвѣтственности депутатовъ по нашему праву, именно вопросъ о томъ, кто пользуется этой привилегіей, при какихъ условіяхъ и въ какихъ случаяхъ.

Привилегія принадлежитъ членамъ Г. Д. (ст. 14 Учр. Г. Д.), и членамъ Г. С. по выборамъ (ст. 26 Учр. Г. С.); члены Г. С. по назначенію, какъ сказано было выше, этой привилегіей не пользуются, такъ какъ они не являются народными представителями. Самое же значеніе этой привилегіи для данныхъ лицъ заключается въ томъ, что ихъ безотвѣтственность за выраженныя мнѣнія и сужденія имѣетъ мѣсто какъ во все время отправленія ими обязанностей званія депутата, такъ и послѣ этого момента—она сохраняетъ свою силу разъ навсегда.

Всякій членъ Г. С. и Г. Д. пользуется данной привилегіей, начиная съ того момента, какъ онъ сдѣлался членомъ той или другой палаты,—безразлично, правильно или неправильно онъ былъ избранъ ея членомъ, такъ что, если впослѣдствіи при провѣркѣ полномочій депутатъ утратитъ свое званіе, какъ неправильно избран-

ный, онъ не отвѣчаетъ за то, что онъ говорилъ до тѣхъ поръ, пока не былъ «разъясненъ».

Привилегіей пользуются члены палатъ лишь при исполненіи обязанностей ихъ званія; это положеніе прямо не выражено въ нашемъ законодательствѣ, но оно само собой разумѣется. Только тогда, когда депутатъ выступаетъ именно, какъ таковой, онъ пользуется своей привилегіей. А въ такой роли онъ выступаетъ, конечно, въ общихъ собраніяхъ, въ отдѣлахъ и въ комиссіяхъ, наконецъ въ особыхъ депутаціяхъ, которыя отъ имени парламента могутъ быть направлены, напр. къ монарху для передачи ему адреса; но затѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ депутатъ не пользуется иммунитетомъ. Поэтому если депутатъ повторитъ гдѣ нибудь свою сказанную въ парламентѣ рѣчь, за которую онъ уголовной отвѣтственности не подлежитъ, то онъ за это отвѣчаетъ, если въ этой рѣчи заключается преступное содержаніе [1]), равно, какъ онъ отвѣчаетъ при тѣхъ же условіяхъ за рѣчи и отчеты передъ своими избирателями; точно также не пользуются безотвѣтственностью депутаты въ засѣданіяхъ фракціонныхъ [2]). Затѣмъ, разумѣется, данная привилегія существуетъ въ отношеніи всего, что входитъ въ область обсужденія законодательной палаты. Наше право однако въ этомъ отношеніи на первый взглядъ повидимому сокращаетъ объемъ привилегіи безотвѣтственности, установляя общее положеніе о томъ, что она принимается во вниманіе только по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы (ст. 14 Учр. Г. Д.). Проф. Лазаревскій по этому поводу замѣчаетъ: «такъ какъ нашъ законъ стремится дать исчерпывающій перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Думы, то можетъ показаться, что достаточно признать, что данный вопросъ изъ компетенціи Думы выходитъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности членовъ Думы за высказанныя ими по сему поводу мнѣнія. Выводъ недопустимый, ибо онъ противорѣчитъ самому существу разсматриваемой привилегіи парламентовъ» и толкуетъ слова ст. 14 совершенно

---

[1]) Olshausen, l. c. p. 89; Fabreguettes, l. c. p. 79.
[2]) Впрочемъ, иного мнѣнія Bar, l. c. p. 254.

правильно въ томъ смыслѣ, что «это—всѣ тѣ дѣла, которыя внесены въ Думу въ установленномъ порядкѣ и по которымъ Думѣ приходится высказаться» [1]), слѣдовательно, какъ дѣла, прямо перечисленныя въ ст. 31 Учр. Г. Д., опредѣляющей ея компетенцію, такъ и тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ содержаніе отдѣльныхъ запросовъ, дѣлаемыхъ правительству относительно незаконом'рности его дѣйствій (ст. 33 Учр. Г. Д.).

При этомъ, конечно, всѣ акты дѣятельности членовъ парламента, какъ таковыхъ, объемлются этой привилегіей. Въ своихъ рѣчахъ, въ докладахъ, въ формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ запросахъ, въ подачѣ голоса члены парламента могутъ высказывать тѣ мнѣнія и сужденія, которыя влекутъ за собой ихъ безотвѣтственность.

Распространяется ли однако эта привилегія на реплики и на частные разговоры депутатовъ во время засѣданія парламента? Эти два случая слѣдуетъ различать. И если въ первомъ отношеніи слѣдуетъ признать безотвѣтственность депутата, такъ какъ дѣлающій съ своего мѣста реплику по поводу рѣчи или доклада и т. п. выражаетъ свое мнѣніе и сужденіе при исполненіи обязанностей званія [2]), то иначе слѣдуетъ относиться къ частнымъ разговорамъ членовъ парламента во время засѣданій послѣдняго. Эти разговоры къ кругу ихъ обязанностей не относятся, хотя бы они и касались предмета, обсуждаемаго въ засѣданіи, они равносильны всякимъ вообще частнымъ разговорамъ членовъ парламента въ его стѣнахъ—мѣсто засѣданія здѣсь ни причемъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что этотъ вопросъ въ литературѣ вызываетъ споръ. Такъ, въ приведенномъ выше смыслѣ его рѣшаетъ Муральтъ [3]), который говоритъ, что эта привилегія имѣетъ въ виду только случаи обращенія депутата къ самой палатѣ, и Губрихъ [4]); другіе же, напр. Клейнфеллеръ [5]) и Биндингъ [6]) рас-

[1]) Лазаревскій, l. c. стр. 335.
[2]) Впрочемъ иначе смотритъ на это Frank, l. c. p. 39.
[3]) Muralt, l. c. p. 63.
[4]) Hubrich, l. c. p. 365, n. 50.
[5]) Kleinfeller, l. c. p. 330.
[6]) Binding, l. c. p. 676.

пространяютъ привилегію на частные разговоры по предметамъ депутатскаго званія (Gegenstände des Abgeordnetenberufs), выдвигая такимъ образомъ на первый планъ то, о чемъ ведутся разговоры.

Что касается самого объема привилегіи, то она распространяется на сужденія и мнѣнія депутатовъ; сужденія высказываются въ рѣчахъ и т. п., мнѣнія могутъ заявляться и инымъ образомъ и прежде всего посредствомъ подачи голоса. Но спрашивается, слѣдуетъ ли ограничиваться здѣсь исключительно словесными выраженіями депутатомъ своего мнѣнія или надо имѣть въ виду и извѣстныя символическія дѣйствія, опредѣленныя конклюдентныя дѣйствія, наконецъ, и воздержаніе отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій? Разъ мнѣніе депутата можетъ быть, конечно, выражено и такимъ способомъ, то и на эти случаи должна распространяться его привилегія. Сюда относятся выраженіе разныхъ знаковъ неудовольствія, сидѣніе на мѣстахъ во время провозглашенія «ура» въ честь монарха и т. п. Таково господствующее мнѣніе, иначе относится къ этому вопросу одинъ только Биндингъ [1]), вполнѣ допуская отвѣтственность за символическую обиду. Въ этомъ отношеніи особенно характерно опредѣленіе Финляндскаго Сеймоваго Устава, которое устраняетъ всякое сомнѣніе, предусматривая вообще поведеніе депутата, а не только одни словесныя выраженія мнѣній. Какъ извѣстно, данный вопросъ получилъ практическое значеніе въ Германіи. При открытіи новаго зданія парламента въ первомъ засѣданіи его 6 дек. 1894 г. президентъ провозгласилъ «Hoch» въ честь императора всѣ члены парламента поднялись при этомъ съ мѣстъ, исключая депутата Либкнехта, оставшагося сидѣть. Президентъ обратился съ замѣчаніемъ къ нему, указывая на то, что этотъ поступокъ «nicht der Sitte deutscher Männer» и выразилъ сожалѣніе, что онъ лишенъ средствъ должнымъ образомъ воздѣйствовать на это. Когда же черезъ нѣсколько времени было возбуждено противъ Либкнехта уголовное преслѣдованіе за оскор-

[1]) Binding, l. c. p. 675.

бленіе величества, парламентъ отказался дать свое согласіе на это, ссылаясь на иммунитетъ народнаго представителя. Послѣдствіемъ этого случая было усиленіе въ 1895 г. средствъ парламентской дисциплины въ видѣ установленія права удаленія члена парламента изъ его засѣданія.

Установивъ сущность привилегіи безотвѣтственности народнаго представителя, слѣдуетъ обратиться къ указанію тѣхъ преступленій, которыя этой привилегіей покрываются. Она распространяется на всѣ дѣянія, учиняемыя посредствомъ слова, слѣдовательно, съ точки зрѣнія нашего законодательства на богохульство (ст. 73 у. у.), кощунство (ст. 74 у. у.), поношеніе нехристіанской религіи (ст. 75 у. у.), возбужденіе къ переходу православнаго въ иное вѣроисповѣданіе (ст. 90 у. у.), оскорбленіе величества (ст. 103, 106, 107 у. у.), подговоръ составить сообщество для учиненія бунтовщическаго дѣянія (ст. 102, ч. 4 у. у.), опубликованіе государственныхъ тайнъ (ст. 111 у. у.), оказаніе дерзостнаго неуваженія Верховной власти и порицаніе образа правленія и порядка наслѣдія престола (ст. 128 у. у.), возбужденіе массъ къ совершенію преступныхъ и противозаконныхъ дѣяній (ст. 129 у. у.), оскорбленіе иностраннаго дипломатическаго агента (ст 261 ул. о нак.), оскорбленіе чиновника (ст. 286 ул. о нак.), разглашеніе ложныхъ слуховъ (ст. 134, п. 3 у. у. и ст. 275^1 и 281^1 ул. о нак.), возбужденіе къ противодѣйствію къ выборамъ въ Госуд. Думу и массовому воздержанію отъ нихъ (ст. 328^2 ул. о нак.), употребленіе подложныхъ документовъ (ст. 294), вызовъ на поединокъ (ст. 1497 ул. о нак.), обида (ст. 130 уст. о нак.), клевета (ст. 136 уст. о нак.) и угроза (ст. 139 уст. о нак.). Таковъ по нашему праву объемъ тѣхъ деликтовъ, которые могутъ быть учинены словомъ и на которые распространяется привилегія безотвѣтственности. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, распространяется ли она на тѣ случаи, когда депутатъ въ своей рѣчи подстрекаетъ къ какому нибудь опредѣленному преступному дѣянію, которое затѣмъ и совершается. Вопросъ этотъ имѣетъ особое значеніе въ

виду того, что подстрекательство разсматривается, какъ видъ соучастія въ преступномъ дѣяніи, а не есть самостоятельное преступленіе. Вопросъ этотъ вызываетъ споры въ современной германской литературѣ. Большинствомъ писателей онъ рѣшается въ смыслѣ допущенія и здѣсь привилегіи, такъ напр. Баръ [1]) говоритъ, что нельзя различать такія рѣчи, которыя не имѣютъ никакого внѣшняго дѣйствія (eine Wirkung nach aussen), и такія, которыя его имѣютъ, такъ какъ въ дѣйствительности слова наказываются не сами по себѣ, а лишь поскольку они имѣютъ какое нибудь внѣшнее дѣйствіе; по его мнѣнію вся привилегія станетъ иллюзорной, если допустить иное толкованіе. По словамъ Мураль-та [2]), подстрекательство, которое совершается словесно, остается словеснымъ преступленіемъ, даже если оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ преступное дѣйствіе, совершаемое другимъ; а Шведлеръ [3]) замѣчаетъ, что подстрекательство сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и тогда, когда произошелъ самый деликтъ и если оно совершилось посредствомъ слова, то и остается совершившимся дѣйствительно посредствомъ слова. Это же мнѣніе поддерживаютъ Г. Мейеръ [4]) и Клейнфеллеръ [5]).

Но этому противополагается другое мнѣніе, защищаемое Биндингомъ [6]) и раздѣляемое вмѣстѣ съ нимъ Ольсгаузеномъ [7]), Губрихомъ [8]) и Фингеромъ [9]). Биндингъ, разсматривая подстрекательство къ убійству, замѣчаетъ, что подстрекатель къ убійству долженъ наказываться, какъ убійца, потому, что дѣйствіе подстрекателя не есть выраженіе мнѣнія, не есть словесное преступленіе, но преступленіе, которое не можетъ быть совершено посредствомъ слова, хотя и можно сдѣлаться соучастникомъ въ немъ и посредствомъ слова; здѣсь, говоритъ онъ, народный представитель отвѣчаетъ не за

---

[1]) Bar, l. c. p. 250.
[2]) Muralt, l. c. p. 66.
[3]) Schwedler, l. c. p. 41.
[4]) Meyer-Allfeld, l. c. p. 107, n. 7.
[5]) Kleinfeller, l. c. p. 329.
[6]) Bindind, l. c. p. 675.
[7]) Olshausen, l. c. p. 79.
[8]) Hubrich, l. c. p. 367.
[9]) Finger, l. c. p. 436.

то, что онъ сказалъ въ палатѣ, а за то, что онъ сдѣлалъ внѣ палаты и что онъ вызвалъ своимъ словомъ. Нельзя не усмотрѣть въ словахъ Биндинга установленія извѣстной фикціи, при которой слово разсматривается, какъ дѣйствіе; но слово остается всегда словомъ, оно не превращается въ дѣйствіе отъ того, что другое лицо подъ его вліяніемъ что нибудь совершило; говорить, что въ этомъ случаѣ нужно считаться съ тѣмъ, что депутатъ сдѣлалъ внѣ палаты, значитъ устанавливать новую фикцію, которая дѣйствительно можетъ сдѣлать иллюзорной всю привилегію безотвѣтственности,—иначе пришлось бы отказаться и отъ безотвѣтственности депутата при возбужденіи массъ его рѣчью въ случаѣ, если бы было совершено подъ вліяніемъ этой рѣчи какое нибудь конкретное преступленіе, къ учиненію коего онъ вообще призывалъ. Парламентской же дисциплиной и въ этомъ случаѣ можно сдѣлать должный отпоръ депутату, который допускаетъ подобное злоупотребленіе своими полномочіями.

VI.

Послѣдній вопросъ, который долженъ подлежать нашему разсмотрѣнію, это вопросъ о томъ, какъ бороться вообще съ тѣми злоупотребленіями иммунитетомъ, которыя могутъ встрѣтиться въ дѣятельности парламента. Конечно, народные представители—лучшіе люди земли—должны высоко поддерживать свое званіе, и въ этомъ отношеніи невольно вспоминаются слова предсѣдателя первой Госуд. Думы С. А. Муромцева, сказанныя имъ въ одномъ изъ засѣданій Думы: «господа, не согласимся ли мы разъ навсегда, что личныя пререканія и оскорбительныя выраженія ниже достоинства Госуд. Думы? Я продолжу свою мысль. Старый строй, власть котораго во всемъ исходила сверху, пріучилъ къ тому, что люди, стоящіе у власти, часто считали себя въ правѣ наносить подчиненнымъ оскорбленіе вмѣсто того, чтобы ограничиться достойнымъ и авторитетнымъ указаніемъ на неправильность ихъ поступка. Неужели же мы, представители русскаго народа, занявъ положе-

ніе въ качествѣ органа государственной власти, будемъ подражать старымъ носителямъ власти?» [1]).

Но, разумѣется, въ семьѣ не безъ урода, и возможно появленіе на парламентской кафедрѣ людей, позволяющихъ себѣ всевозможные эксцессы слова, въ особенности въ видѣ личныхъ оскорбленій. Разумѣется, темпераментъ отдѣльныхъ людей, ихъ характеръ заставляетъ ихъ совершать тѣ или другіе эксцессы, такъ сказать bona fide, въ пылу преній, но ни одинъ парламентъ не застрахованъ отъ проникновенія въ его среду такихъ людей, которые и во внѣпарламентской дѣятельности не стѣсняются прибѣгать къ личнымъ оскорбленіямъ и въ особенности къ клеветѣ. И вотъ съ одной стороны мы видимъ, что нѣкоторыя законодательства считаются съ необходимостью установленія изъятій изъ начала безотвѣтственности, съ другой стороны мы находимъ, что въ настоящее время и въ литературѣ поднятъ вопросъ объ установленіи какихъ нибудь мѣръ противъ злоупотребленій депутатской привилегіи, поскольку являются недостаточными общія мѣры парламентской дисциплины. Съ этими попытками установленія средствъ борьбы съ указанными злоупотребленіями и должны мы теперь ознакомиться.

Первая попытка, которая нашла себѣ опредѣленное выраженіе въ нѣкоторыхъ конституціяхъ,—выдѣленіе извѣстныхъ преступленій изъ сферы дѣйствія привилегіи; при этомъ или въ самихъ конституціяхъ точно указываются тѣ преступленія, которыя изъемлются изъ дѣйствія привилегіи, или же предоставляется усмотрѣнію самой палаты устранить въ конкретномъ случаѣ безотвѣтственность депутата.

Первый путь избранъ, какъ было раньше указано, лишь немногими конституціями, притомъ въ настоящее время только въ отношеніи оскорбленія чести. Вполнѣ понятны мотивы установленія этого изъятія. Дѣла объ оскорбленіи—дѣла такого рода, гдѣ нельзя не считаться съ положеніемъ потерпѣвшаго, въ отношеніи котораго допущена клевета и который заинтересованъ въ томъ, чтобы эта клевета была

---

[1]) Стеногр. отч. стр. 1575.

опровергнута и его доброе имя реабилитировано. И въ этомъ отношеніи обычныя мѣры парламентской дисциплины не имѣютъ особеннаго значенія, такъ какъ предсѣдатель собранія можетъ и не знать, заключаетъ ли въ себѣ данное заявленіе депутата правду или ложь, общее же его замѣчаніе не касаться извѣстнаго лица не есть мѣра дисциплинарная. Но какъ ни слѣдовало бы считаться въ подобныхъ случаяхъ съ интересами потерпѣвшаго отъ оскорбленія, все же интересы публичные выше интересовъ частныхъ и устанавливать ради послѣднихъ изъятіе изъ общаго начала безотвѣтственности, установленнаго въ публичныхъ интересахъ, не представляется желательнымъ; притомъ при такой системѣ безотвѣтственность на практикѣ часто будетъ мнимой. Вотъ почему подобный порядокъ, сохраняющійся еще въ нѣкоторыхъ государствахъ, не пользуется сочувствіемъ.

Другой путь—это тотъ, при которомъ рѣшеніе вопроса объ изъятіи изъ дѣйствія привилегіи въ конкретномъ случаѣ зависитъ отъ самой палаты. Эта система на первый взглядъ представляетъ больше преимуществъ, чѣмъ первая, такъ какъ поскольку отъ палаты зависитъ принятіе той или другой дисциплинарной мѣры, постольку отъ нея можетъ зависѣть и постановленіе о преданіи виновнаго общему суду, если дисциплинарныхъ мѣръ оказывается, по ея мнѣнію, недостаточно. Но противъ этой системы справедливо возражаютъ, указывая на то, что она нежелательна потому, что при ней особенную роль играетъ партійная ненависть и личная вражда [1]), и всѣ пренія по вопросу о преданіи суду получаютъ особенную остроту [2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ при ней принципъ полной безотвѣтственности не получаетъ должнаго признанія и притомъ изъятія отъ него дѣлаются не въ силу безпристрастнаго указанія закона, а въ силу очень часто пристрастнаго рѣшенія той или

---

[1]) Schwedler, l. c. p. 43.

[2]) Какъ говоритъ Pierre, l. c. p. 1260 «permettre des recherches juridiciares à l'occasion d'exercice légal du mandat, c'est faciliter les ostracismes politiques».

другой господствующей въ данный моментъ въ парламентѣ партіи.

Другую попытку представляютъ предложенія, направленныя на усиленія мѣръ парламентской дисциплины; такъ между прочимъ это предлагаетъ Губрихъ [1]), высказывающійся вообще противъ уничтоженія или ограниченія депутатскаго иммунитета, хотя онъ и признаетъ его нѣкоторыя отрицательныя стороны. Подобныя предложенія имѣютъ извѣстный смыслъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Германіи и Бельгіи, дисциплинарная власть парламента слаба, но не въ тѣхъ, гдѣ она достаточно сильна. Въ Германіи же вопросъ объ усиленіи мѣръ парламентской дисциплины не разъ поднимался, но вызывалъ къ себѣ въ общемъ отрицательное отношеніе. Особенно памятна та кампанія, которая была открыта противъ внесеннаго въ 1879 г. въ рейхстагъ Бисмаркомъ законопроекта, получившаго названіе законопроекта о намордникѣ (Maulkorbgesetz) и направленнаго противъ соціалъ-демократовъ. По этому законопроекту предполагалось создать особую комиссію въ составѣ президента, двухъ вице-президентовъ и 10 членовъ парламента, избираемую на всю сессію парламента, и осуществляющую дисциплинарную власть въ отношеніи всякаго непорядка (Ungebür), допущеннаго депутатомъ. При этомъ было предположено предоставить этой комиссіи право исключенія депутата изъ рейхстага на опредѣленный срокъ вплоть до конца сессіи, съ предоставленіемъ виновному права обжалованія этого рѣшенія въ общее собраніе рейхстага. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено было предоставить рейхстагу право передавать уголовному суду дѣла о произнесеніи депутатами рѣчей преступнаго содержанія. Съ точки зрѣнія русскаго права, усиленіе дисциплинарной власти палатъ въ виду существующаго права удаленія члена Думы на 15 засѣданій и члена Гос. С. на одинъ мѣсяцъ представляется излишнимъ.

Наконецъ, особую попытку рѣшенія даннаго вопроса представляютъ предложенія тѣхъ писателей, которые, не посягая на самый принципъ безотвѣтственности

---

[1]) Hubrich l. c. p. 394.

депутатовъ, указываютъ на необходимость установленія въ интересахъ реабилитаціи опозореннаго лица особаго порядка, направленнаго на констатированіе и оцѣнку оглашеннаго позорящаго факта; самыя предложенія установленія такого особаго порядка отличаются большимъ разнообразіемъ.

Такъ, прежде всего предлагается путь обще-судебный. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ Биндингъ, который говоритъ, что въ настоящее время привилегія безнаказанности ограждаетъ двѣ группы дѣяній, изъ которыхъ одну легко извинить, а другую, напротивъ слѣдовало бы облагать квалифицированнымъ наказаніемъ. Къ послѣдней онъ относитъ всѣ предумышленныя и всѣ тѣ словесныя преступленія, въ которыхъ средствомъ совершенія являются умышленная ложь, т. е. клевета; къ первой же — тѣ выраженія, которыя произнесены въ пылу преній,—здѣсь онъ допускаетъ мѣры парламентской дисциплины и въ виду этого факультативную безнаказанность подобныхъ дѣяній. Усматривая далѣе въ самой привилегіи въ этомъ случаѣ privilegium odiosum безправности всѣхъ тѣхъ, кто будетъ подвергнутъ нападенію посредствомъ такихъ словесныхъ преступленій, онъ находитъ, что самое меньшее, что можно было бы предоставить потерпѣвшему, это принесеніе жалобы, направленной на установленіе словеснаго преступленія со стороны судьи, который ограничивался бы констатированіемъ деликта и подведеніемъ его подъ уголовный законъ, но не назначалъ бы наказанія [1]). Ту же мысль высказывали Муральтъ [2]), Кисслингъ [3]) и Розинъ [4]).

Другіе писатели говорятъ о третейскихъ судахъ и прежде всего о парламентскихъ. Это предлагаетъ между прочимъ Баръ въ своемъ проектѣ закона о третейскихъ судахъ въ парламентѣ [5]); точно также Шведлеръ [6])

---

[1]) Biuding, l. c. p. 680.
[2]) Muralt, l. c. p. 126.
[3]) Kissling, Die Unverantwortlichkeit der Abgeordneten und der Schutz gegen Missbrauch derselben, 1885 p. 21.
[4]) Розинъ, l. c. 242, п. 1.
[5]) Bar, Redefreiheit, p. 45.
[6]) Schwedler, l. c. p. 46.

рекомендуетъ установить особый судъ изъ самихъ депутатовъ съ участіемъ представителя правительства, не имѣющаго однако права голоса; этотъ судъ, не обладающій уголовной властью, былъ бы, по его мнѣнію, компетентенъ для разсмотрѣнія по заявленію потерпѣвшаго, насколько согласны съ истиной заявленія, сдѣланныя по его адресу депутатомъ въ его рѣчи; суду этому слѣдовало бы предоставить право допрашивать свидѣтелей и обращаться къ содѣйствію полицейскихъ и судебныхъ властей; его рѣшеніе сообщалось бы общему собранію палаты, заносилось бы въ протоколъ и публиковалось бы во всеобщее свѣдѣніе.

Каждое изъ указанныхъ предложеній имѣетъ свои достоинства, а самый путь подобнаго рѣшенія вопроса представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ, и намъ казалось бы, что наиболѣе удобной была бы здѣсь система третейскихъ судовъ, составляемыхъ на половину изъ членовъ палатъ, наполовину же изъ постороннихъ лицъ, свободно избираемыхъ каждою изъ сторонъ по ея усмотрѣнію. Въ подобномъ судѣ могъ бы находить себѣ проявленіе судъ общественнаго мнѣнія, и судъ этотъ, будучи достаточно авторитетнымъ, могъ бы выносить свой приговоръ, давая въ немъ соотвѣтствующую оцѣнку того заявленія, которое допущено было депутатомъ по адресу потерпѣвшаго. Судъ этотъ, выражая свое порицаніе депутату и тѣмъ самымъ реабилитируя въ глазахъ общества того, чья честь могла пострадать отъ клеветническаго заявленія депутата, выполнялъ бы этимъ ту свою функцію, которая въ дѣлахъ подобнаго рода должна выдвигаться на первый планъ,—здѣсь дѣло не въ наказаніи клеветника во что бы то ни стало, а въ возстановленіи добраго имени опозореннаго.

БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ